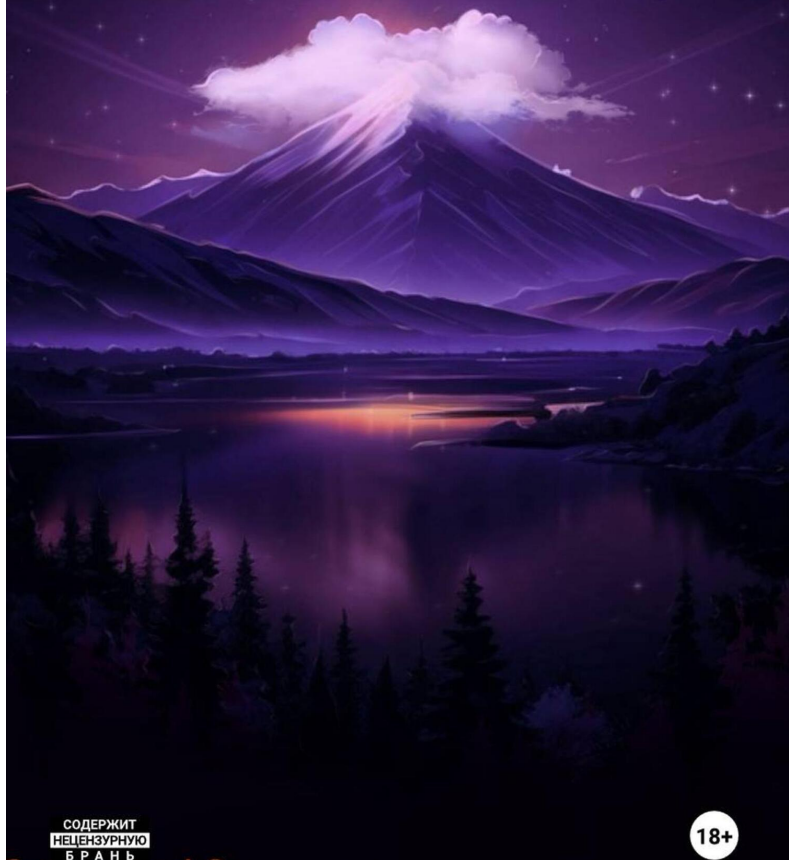

Под взором с небес

Том I

Сияние северных звёзд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сапожников А.О.

18+

Андрей Олегович Сапожников

Под взором с небес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72794980

SelfPub; 2026

Аннотация

В первом томе «Сияние северных звёзд», повествуется о новом, фантазийном мире Валантар, чьи земли подверглись вторжению неизвестных до этого ранее существ, которые начали геноцид проживающих на его территориях людей. Враждующие между собой королевства уцелевших народов смогли объединиться перед нависшей над ними угрозой и дали достойный отпор в Великой битве кровожадным пришельцам, но эта победа привела не к славе и почёту, она лишь вызвала события куда масштабнее и более трагичные.

В Валантар вторглись боги. Они развязали между собой колоссальную по своим масштабам битву. Её итоги и решили дальнейшую судьбу людей, которые обрели столь долгожданный мир и шаткое спокойствие.

Жизнь ненадолго вернулась в старое русло. Со временем народы Валантара стали забывать вид развивающихся чужестранных стягов в едином войске и ценность крепких союзов с соседними государствами. Но зло на западе зашевелилось
ВНОВЬ...

Содержание

Глава первая.	7
Глава вторая.	31
Глава третья.	51
Глава четвертая.	77
Глава пятая.	99
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Андрей Сапожников

Под взором с небес

Предисловие.

«Вот уже прошло больше семи столетий, как развеялся пепел великих сражений, громыхавших на западных прибрежных землях сурового и жестокого мира Валантара... Земля приняла павших воинов и их правителей, вместе с телами неведомых существ, что вторглись в этот мир. Но не эти кровожадные и могучие существа оставили самые значительные разрушения и повергли целые государства в хаос и забвение. Силы, что пришли вслед за могучими тварями, оказались за гранью понимания обычных жителей.

В Валантар вторглись боги.

Они развязали между собой колоссальную по своим масштабам битву. Её итоги и решили дальнейшую судьбу людей, которые обрели столь долгожданный мир и шаткое спокойствие.

Жизнь ненадолго вернулась в старое русло. Со временем народы Валантара стали забывать звуки боевых барабанов, вид развивающихся чужестранных стягов в едином войске и ценность крепких союзов с соседними государствами. Тем временем зло на западе зашевелилось вновь... Потомки великих древних королей и ярлов, что восседают сейчас в сво-

их каменных чертогах, не смогли до конца подавить враждебную этому миру расу. Они лишь погрязли в интригах и междоусобных войнах, забыв о страданиях простого люда. Шаткое наследие единства было забыто... Правители уцелевших королевств теперь готовили армии к походам на земли своих соседей и даже возникшая новая религия не способна была их вразумить...

И в буре этих событий проживают различные люди: от циничных, безжалостных наёмников до молодых и гордых наследников престолов, жизненный путь которых влияет на моховик судьбы, безжалостно раскрученный и падающий в бездну хаоса и смерти ...»

Глава первая.

«Странник»

«И канула в прошлое война богов.

И настали тёмные времена для севера.

Отныне – четыре независимых государства и одно королевство.

Дендор – центр севера, Дерор – западная часть, Роррен – юг севера, Норсен – восточная часть, Рухельм – северная», – из книги: «Великие битвы и начала распада севера», летописца Джона Сигурда».

Холодно... Даже для северянина стоял страшный холод. Такой суровой зимы Донвур ещё не помнил на своем веку, хоть и пережил их немало. Его путь пролегал поздней ночью по одинокому, озаренному только звёздами ущелью. Место ему не нравилось – в случае нападения он будет слишком уязвим, а склоны гор, окружавшие его, предательски скрывал хвойный лес. Воротник из меха северного медведя частично покрылся коркой льда от дыхания. Спущенный почти до самых глаз капюшон несильно согревал голову. Начинали подмерзать ноги в старых, стоптанных сапогах, с металлическими вставками на голени. За столько пройденных

километров он уже привык к тяжести обуви, но сейчас ноги болели от усталости, как никогда раньше...

Странник брёл из последних сил, так как знал, что идти осталось не так долго. Он близок к цели, а там его ждёт тепло очага и горячая похлёбка с нежным кроличьим мясом.

Как же холодно... А это ведь даже не Эбор, не «сердце» севера. Климат стал суровее, если уже на окраинах такой мороз. Рукоять кинжала на поясе издавала звук при каждом движении тела Донвура. Раньше этого не было, по-видимому, он протёр мех и толстую ткань, которая покрывала кольчугу. А за неё могут и прирезать ночью, «небесный» металл был в цене всегда и везде, а изделия из него – и подавно. Нужно будет устранить этот звук, ни к чему выдавать себя. Любой, даже неопытный разведчик или следопыт сможет с легкостью услышать его задолго до того, как увидит. Донвур вышел из ущелья и, наконец-то, увидел замершую речку, которую так долго отыскивал. Теперь осталось пройти несколько километров вверх по течению и там будет деревушка Кедр, где и находится «Глаз великана» – самый популярный постоялый двор в низовьях Хорвудских гор.

Пройдя немного по берегу реки, он увидел полынью. Она со всех сторон была загажена навозом лосей, кабанов и прочих диких зверей, что водятся здесь. По-видимому, в этом месте реки течение было особенно сильным, если мороз еще не успел сковать её окончательно. Постояв немного и посмотрев, как поблескивает вода в лунном свете, он уже соби-

рался двинуться дальше, но вдруг услышал рычание позади себя. Обернувшись, Донвур смог разглядеть то, чего бы он желал увидеть в самую последнюю очередь.

Четыре пары зелёных глаз смотрели на него со склона ущелья. Бежать было бы глупо. В своих мехах и доспехах далеко он не протянет, а стоит повернуться к волку спиной – можно уже заранее попрощаться с жизнью. Он стоял неподвижно, только шум воды в полынье нарушал тишину, пар клубился от его дыхания. Как же тихо... Все вокруг словно затаилось в ожидании схватки. Возможно, они не станут так рисковать и отправятся на поиски более легкой добычи...

Раздался протяжный вой. Звук, словно кинжалом разрезал тишину и, как раскат грома не предвещал ничего хорошего. Яркие зелёные огоньки сорвались с места и с безумной скоростью направились к нему, вздымая под лапами снег. Донвур не спеша скинул с правого плеча сумку из козьей шкуры с остатками припасов и дорожной посудой, обнажил полуторный меч. Левой рукой поставил широкий прямоугольный щит с выцветшей эмблемой в виде медвежьего следа на снег, потом присел на одно колено и просунул руку в кожаные ремни. Поднявшись, он немного поболтал щитом, словно убеждаясь, что тот держится крепко, встал в оборонительную позу.

Хищники уже появились на опушке, блестя своей белой шерстью и скаля зубами. Они вытянулись в клин, во главе которого был самый крупный – вожак. Он же и получил пер-

вый удар в голову щитом и по инерции отлетел в сторону, пропахав собой снег. Второго Донвур уложил ударом меча сверху по хребту. Зверь только и успел издать жалобный визг и рухнул на снег, забрызгав всю правую руку Донвура и часть тела кровью. Алые капли, попавшие на лицо, приятно согрели теплом и вмиг замёрзли. Третий же выбрал наиболее удачный момент, когда Донвур ещё не успел закрыться щитом или вернуть в исходное положение меч, всем своим весом он прыгнул ему на грудь и вцепился в шею. Если бы не толстый медвежий воротник, схватка закончилась бы намного быстрее, чем планировалось. Волк сбил с ног Донвура и встал ему на грудь, пытаясь всё-таки прогрызть толстую шкуру.

«Какие же сильные челюсти у этого зверя!» – Промелькнуло в голове странника».

Горло сдавило, словно железной хваткой снежного тролля. Не прошло и секунды, как странник извернулся, просунул руку под животом волка к левой стороне бедра и схватился за кинжал. Внутренности зверя вывалились на живот и грудь лежавшего под ним Донвура. Он спихнул с себя вспоротую тушу и встал на одно колено. Вонь стояла страшная, содержимое кишок моментально замерзло на животе и груди, белоснежная ткань его накидки и меха под ней стали твердые, как дерево, и пристыли к кольчуге. Воздуха не хватало, ели успев чуть-чуть перевести дух, как на него напал четвёртый, который до этого тщетно пытался прокусить око-

ванный сталью голень сапога. Раскрытая пасть с белоснежными зубами сомкнулась на его левой руке. Он сам позволил волку проглотить кулак. Зубы скрежетнули по стали, находившейся на запястье. Спустя мгновение странник нанёс зверю два удара кинжалом в область виска. Так волк и издох, повиснув на левой руке. Наконец-то, освободившись от пасти волка, Донвур встал.

Три трупа хищников лежали рядом, снег вокруг покраснел от крови. Четвертый, ещё живой после мощного удара в голову щитом, немного отполз от места схватки и попытался подняться на лапы. Зверь весь шатался, но продолжал скалиться. Не давая вожаку опомниться окончательно, Донвур опустил меч на его шею и отсек голову. Широкий полуторный меч, словно не почувствовав преграды, прошёл глубоко в снег. Вытащив его, он вытер кровь об шкуру зверя и вложил за спину в ножны.

Было бы время, Донвур смог бы снять с некоторых из хищников шкуры. В селеньях люди за мех белого северного волка могут дать хорошие деньги, но сейчас у него были дела намного важнее этого. Он итак отстал по времени. Его лошадь умерла от холода и нехватки еды ещё восемь дней назад, на девятый он попал в метель и сделал привал почти на весь день. Время, отведённое на дорогу, заканчивалось. Негоже нарушать обещания, которые даёшь. Он должен поспеть в деревушку Кедр, где находится постоянный двор «Глаз великана», до заката следующего дня.

Донвур осмотрелся в поисках щита. От трупов волков шёл пар. Один из них, которому странник вспорол живот, всё ещё скулил и смотрел на него, не отводя взгляда, пока спустя всего несколько вдохов не умер. Наконец, за одним из волков Донвур заметил пропажу. Подбирая с земли щит, который он отбросил при падении, Донвур увидел, что на левом запястье остались следы от клыков, на металле были видны две полосы, проходящие через все руны.

По древним рунам на металлических запястьях центральных северян можно узнать многое: к какому роду он принадлежит, о его родственниках и значимых событиях его жизни. Все доспехи знатных северян Дендора именные, и, похоже, только они сами могут разобраться в том, что они означают. Донвур принадлежал к Оргулатам – древнейшему из всех родов. Он – потомок северных королей, которые правили больше семи сотен лет назад всеми землями: от великого Штормового океана и до Хорвудских гор на юге. Эбор – бывшая столица севера, или, как его ещё называют, Ледяной город – его родной дом, и вотчина его отца. Но ему не повезло родиться четвертым сыном короля...

Донвуру пришлось по древнему обычаю, которому придерживались все знатные мужи Дендора, вступить в Орден хранителей севера. На центральном севере четвертый сын и все последующие должны были вступать в ряды хранителей, когда достигали совершеннолетия, где знатные сыновья лордов, правителей или бастарды почётной службой охраняли

мир и спокойствие всего севера.

Хранитель почувствовал, что от монотонной ходьбы и могильной тишины вокруг начинает засыпать на ходу. Чтобы хоть немного отвлечься, он решил вспомнить истории из пыльных рукописей, которые он так сильно любил читать в детстве.

Чуть больше семи столетий назад на западное побережье Волкара вторглась неизвестная раса, которую все народы прозвали по-своему, но в общий обиход закрепилась название – карнафаги или Великий рой. Впервые карнафагами этих кровожадных существ назвали немногочисленные выжившие беженцы с прибрежного государства Миссалия, оно произошло от двух слов их наречия «карна» – плоть, «фаги» – пожиратели.

Несметные полчища могучих существ хлынули на западное побережье. Они появились из мглы Туманного океана на гигантских железных кораблях и обрушились лавиной на все прибрежные города и мелкие деревушки Волкара. Эта раса отличалась безумной свирепостью и жестокостью ко всему живому, каждый из них был похож на огромное членистоногое с ногами богомола и жуткими челюстями, жвалы которых были способны прокусить даже металл. Эти твари не испытывали страха, лишь сильный голод, который гнал их десятками тысяч в глубь материка. Отличаясь между собой размерами и способностями, они уничтожали всё на своем пути, словно очищая и подготавливая территорию для своих

господ.

Западные государства сначала пытались поодиночке противостоять захватчикам, но тщетно. Армия за армией они терпели поражение, уступая как в численности, так и в силе войск. Аркор, Вест-торн, Нэйвур, Тур-Орнارد, Ордорат, Железный город, Сэндербор, и Овундар – все, некогда великие столицы и могучие крепости, были уничтожены. Рой не щадил никого, ни людей, ни животных, все живое подвергалась уничтожению на захваченных территориях.

С карнафагами невозможно было договориться, они не вступали в контакт с человеком и при виде его сразу же нападали. Только спустя некоторое время люди поняли, что между собой рой не общается, их поведение было больше похоже на колонию муравьев, ведомые каким-то высшим разумом, преследующим свои цели.

Люди, видевшие, как Великий рой причалил к побережью, и успевшие сбежать оттуда, рассказывали совсем невероятное. Якобы железные корабли, на которых прибыли войска, были высотой с крепостную стену Аркора, светились тысячами белых огней, и от них исходил рокот, будто сотни тысяч лошадей устремились на водопой. После падения почти всех западных столиц, люди уцелевших королевств стали объединяться в единое войско с целью – остановить пришельцев. Король Элвин Храбрый из столицы Итара – Ночной крепости, созвал великий совет, на который прибыли правители и представители одиннадцати королевств. Девять

из которых согласились выступить единым войском и дать бой Рою в чистом поле, на выгодных позициях, а не ждать их каждый в своей крепости.

Сражение произошло вблизи деревушки Речная, у пересечения Бобрового тракта с Дубовыми холмами, на Филисейских просторных полях. Сложно судить о численности Роя, но объединенное войско людей было самое многочисленное за всю историю Валантара. Битва началась, когда Солнце едва успело появиться на горизонте, как полчища членистоногих хлынули с холмов закрыв своими серо-коричневыми телами и многочисленными лапами зелёные поля, словно могучей, живой лавиной. Основной удар пришёлся на центр войска, где стояли девятнадцать легионов тяжёлой пехоты северян, которыми командовал далекий предок Донвура – Бериндор Ледяное Сердце. Закованные в крепкую латную броню, храбрые северяне смогли устоять достаточно времени для того, чтобы знатная элланская конница с копьями успела зайти во фланг с востока и ударить с холма в тыл Рою. Конница в этом сражении была не столь эффективна против членистоногих, размером доходящих человеческого роста, так как лошади пугались неизвестных им агрессивных существ, но первый удар плотных рядов, закованных в броню всадников сыграл не малую роль в общей битве. В то время, на левом фланге, ветераны копейщики Арона – цитории, не только смогли выдержать первый натиск, но и стеной щитов оттеснили первые волны Роя. На миг объединенному ко-

мандованию почти показалось, что сражение выиграно, когда впервые появились они...

Высотой в четыре человеческих роста, закованные в кроваво-красную броню, они медленно шли к полю боя. Земля сотрясалась под их шагами. Из божественных посохов они извлекали огонь и смерть, их огненные стрелы пробивали любую броню, не ощущая никакой преграды перед собой.

Всего за час три десятка Кровавых богов смогли обратить в бегство трёхсоттысячную армию людей. Объединенное людское войско было почти полностью уничтожено. И тогда, в самый критический момент, горстка копейщиков Арона, ведомых своим царём, пошли в последнюю атаку, выиграв немного времени для отступления ещё уцелевшим. После сокрушительного разгрома людей, карнафаги перегруппировались, сплотили ряды и начали преследовать всех, до кого могли добраться. Кровавые боги, переломив ход сражения, тут же исчезли в утреннем тумане, из которого появились и больше не участвовали в сражении, позволив своим тварям попировать на усыпанных телами людей полях...

Хаос. Смерть. Кровь. До сих пор во время чтения описаний событий той битвы в старых летописях, Несущих слово, по телу пробежала дрожь. Много великих и достойных людей погибло в тот день: сам король Элвин Храбрый и его старший сын Оралд, Элланский принц Гурт, царь Арона Деосен Жестокий, лично возглавлявший свою отборную фалангу, предок Донвура и король севера Бериндор Ледяное Сердце,

вместе с двумя старшими сыновьями, а также сотни знатных наследников, племянников, бастардов и даже дев – воительниц с островов Цветов, что на востоке. Уцелевшие воины и правители вернулись к себе домой и начали готовиться к обороне своих государств. Один за другим оставшиеся западные города и крепости Волкара пали под натиском Великого роя. Но после главного сражения их тактика немного изменилась: при штурме особенно хорошо защищённых крепостей карнафаги уже не лезли напролом на стены погибая при этом тысячами. Крупные города членистоногие брали в кольцо осады, уничтожая всё живое в его окрестностях, а затем, где-нибудь на возвышенности, появлялся один Кровавый бог и в тоже мгновение на город падала «звезда» и стирала его с лица земли...

До сих пор в этих местах действовало мощное проклятье – любой, кто осмеливался пройти по этим землям, умирал в мучениях, от непонятной неизлечимой болезни, испытывая невыносимую боль. В ближайших же посёлках у людей и животных рождались уродцы...

Хаос продолжался больше месяца. Рой медленно, но верно продвигался на восток, почти не встречая сопротивления, уничтожая селения и стирая с лица земли крупные города и замки. Но в миг отчаяния и полной безнадёжности с небес сошли добрые боги, которых позже стали называть Дети Луны или воины Звёздного легиона. Их летающие корабли заполнили небо. Дети Луны падали на землю прямо с небес

и сразу же вступали в бой. При этом они издавали странный оглушающий звук. Он действовал только на членистоногих, которые от него впадали в ступор, дрожа прижимаясь к земле на некоторое время, издавая жалобный писк и вопль. Они были беспомощны против божественной силы, обрушившейся на них с небес. Когда впервые Рой дрогнул, снова явились они – Кровавые боги. Только теперь их были не десятки, а сотни...

Богов Звёздного легиона было намного больше, но размерами они уступали Кровавым почти вдвое. Дети Луны были закованы в тёмно-синюю броню, которая словно кожа обтягивала их мышцы. Глаза их излучали лунный белый свет. Едва спустившись на землю, они вступили в бой с Кровавыми богами.

Людям оставалось лишь наблюдать за этим великим сражением.

Вековые деревья ломались как хворост, земля вздымалась вверх, рёв стоял невыносимый. Кровавые боги были сильнее и имели лучшую броню, но Детей Луны было гораздо больше, да и в атаке они были быстрее и проворнее. Они не вступали в затяжные перестрелки, сразу шли в ближний бой, разогретыми добела мечами разрубали Кровавых богов за считанные секунды.

Как только умирал один бог из Звёздного легиона, с неба на его место падал ещё один. Он вставал с колен и издавал гул, сотрясающий всё вокруг, прямо из руки появлялся разо-

гретый до бела меч, и бог вступал в бой, без усталости, милосердия и раздумий...

Королевская библиотека под тронным залом Ледяного дворца была самым притягательным местом для юного Донвур. Любимой книгой – «Великая битва и начало распада Севера», летописца Джона Сигурда, он зачитывался до самого утра. Донвур сбегал сюда от учителей с их скучными попытками научить азам арифметики, тактики и философии. И снова перечитывал древние книги и свитки о Великих сражениях богов. Иногда прочитанное казалось ему совсем невероятным, но когда ему удавалось остаться с отцом наедине, то всё, о чем Донвур спрашивал, оказывалось правдой. А его нескончаемые вопросы подкреплялись новыми рассказами о его великом предке, сражениях, что вели уцелевшие западные государства с полчищами карнафагов, оставшимися в Волкаре после поражения Кровавых богов. Король был не против столь сильной тяги своего младшего сына к древним трудам, повествующим о подвигах его народа и не принимал всерьёз жалобы учителей. Но по-настоящему он был счастлив и горд лишь в те моменты, когда слушал хвалебные отзывы мастера меча и щита об успехах сына. Единственным, что могло отвлечь Донвур от чтения старых свитков были уроки сражений на тренировочных мечах.

Снова раздался вой. Это была новая стая. Донвур, словно проснувшись от своих воспоминаний, помотал в разные стороны головой, стряхнув с капюшона снег и ускорил шаг.

До цели оставался всего один холм. Местность была ему сильно знакомая, а мягкий лунный свет хорошо освещал дорогу. Снег в этом месте был рыхлый, и идти по нему, проваливаясь почти по колено, стоило больших сил. Наконец, взобравшись на холм, Донвур с удовольствием осмотрелся – деревушка, утонувшая в снегу на изгибе замершей во льду реки, а над ней – чистейшее небо, усеянное миллионами звёзд. Они были такими яркими и большими, что казалось стоит лишь протянуть руку и можно схватить одну. На звёзды можно было смотреть вечно...

На вой из леса отозвались лаем с десятков собак. В середине деревушки стоял небольшой постоянный двор. Дым из трубы и свет из окон приятно манили и будили воспоминания о кроличьей похлёбке, которую он ел там со своими братьями-хранителями прошлой осенью, когда их отправили выследить и убить снежного тролля, спустившегося с гор и напавшего на дровосеков возле деревни Западный пик. Дорога со склона была намного легче. Ветер хорошо утрамбовал снег, и даже в тяжелых доспехах и мехах Донвур не проваливался. На улицах никого не было. Дороги были заметны свежавыпавшим снегом, и только в некоторых местах были протоптаны узкие тропы. Бродячие собаки приветствовали лаем замёрзшего странника. Все дома были старыми и покосившимися, некоторые погребены под снег по самые ставни. Сам постоянный двор заметно выделялся размерами среди остальных построек этой небольшой деревушки. Ста-

рое двухэтажное здание было построено много веков назад из брёвен, которые не смогут обхватить и двое мужчин. Оно выгодно располагалась на пересечении двух торговых путей и было особенно популярно в здешних краях.

Когда хранитель, наконец, вошёл в помещение, его сразу же обдало теплом от камина и запахами из кухни. С последнего визита почти ничего не изменилось, только людей сейчас было меньше. Несколько местных и шестеро с эмблемой расколотого рога на щитах и накидках на груди. «Из Роррена, люди Деорога Высокого», – решил Донвур».

Они изрядно набрались медовухи и громко пели песню известную в их краях:

*«Два брата великана подрались за тушу барана,
под их шум и спор, пещерный медведь барана упёр...»*

«Не хотелось бы тут встретить людей из Норсена. Пожалуй, они смогут прочесть мои руны», – подумал про себя хранитель».

Поскольку они до сих пор воюют с Дендором и не признают хранителей севера, то резни не избежать. Постоялый двор «Глаз великана» находился в северо-восточной части Роррена, так что здесь легко можно было встретить людей из Норсена.

Подойдя к владельцу, Донвур достал трёх лучевую монету, постучал ею по прилавку и кинул ему. Серебро приятно сверкнуло в свете очага.

«За еду и койку», – устало произнёс хранитель, осматри-

вая стеллажи, заставленные различной посудой и пыльными бутылками с крепкими настойками».

На массивной деревянной стойке слева от него стояла огромная бутылка с плавающим огромным глазом в мутном растворе, размером с кочан капусты. Именно он и дал название помещению. Но лишь приезжий южанин мог попасться на байку про глаз великана. Эти создания и вправду водились в этих краях, но это было так давно, что упоминания о них превратились в мифы и сказки, что рассказывают бабушки своим внукам перед сном. Донвур же, как и все остальные, знал, что этот большой глаз принадлежит мурунгу – огромной пресноводной рыбе, обитающей в здешних больших реках. Величина этой рыбы могла быть больше лодки, с которой её пытались поймать.

Тучный, весь в потных пятнах от жара камина хозяин немного покрутил монету в руках перед самым лицом, затем широко улыбнулся и спрятал серебро в глубоком кармане грязного камзола.

«Скоро будут готовы жареные перепела, подам с мёдом и сыром. Комнату покажу позже. Садитесь ближе к камину. Ну и стужа, да? Хранитель? Просто Вашу эмблему сложно разобрать из-за пятен крови на груди... Я скажу Гловеру отчитывать её к утру. Куда опять подевался этот юнец? ГЛОВЕР! Хм..., наверное, в конюшне. Трудно пришлось по дороге?»

*«...брат что постарше, обиду затеял,
не смог он простить кражу барана зверю...»*

«Волки», – Донвур поморщился от собственного запаха, внутренности волка постепенно начинали оттаивать».

Внутри помещения было очень душно, наверное, это из-за всех мехов, что были на нем сейчас, так же камин пускал клубы дыма внутрь зала при каждом сильном порыве ветра, отчего на глазах выступили слёзы. Хранитель уселся на деревянную лавочку, стоявшую возле грубо вытесанного стола, недалеко от стойки и посмотрел на шумных северян.

«В последнее время их тут очень много развелось, местные пытаются их выжить, но тщетно. И чем суровее морозы, тем смелее и злее они становятся. Буквально за день до вашего прихода Марфа видела волка на улице деревни, а в зубах он держал соседскую собаку. Может, вы, как хранитель, замолвите словечко на совете Ордена? Мы все Вам будем очень признательны...»

Довольно рослый хозяин в сером фартуке что-то нарезал большим ножом, поглядывая на Донвура из-под пышных бровей, лицо его было красным, словно помидор.

*«...пока младший брат у входа костёр разводил,
медведя и след давно уж простыл,
Хей, хей, хей!*

*Бежал зверь с пещеры, хитёр жирный плут,
оставив после себя лишь обглоданный труп...»*

«Я ещё не скоро вернусь в орден. Тут меня не спрашивал монах?»

««Новых» богов или «старых»?»

Хозяин оторвался от работы, положил огромный нож на стол и опёрся на стойку массивными, заросшим густым чёрным волосом руками.

««Новых». Несущий слово, в возрасте, слезливые глаза, худощавый, седой, лет пятидесяти...» – Донвур повысил голос, стараясь перекрычать шум от стука друг об друга полных медовухи кружек северян, и ударов ладоней по столу».

«Нет, таких не было. Сюда редко заходят монахи «новых» богов, сами же знаете на севере всё ещё сильна вера в «старых». Разбудить, если о вас спросят?»

Хозяин заведения весь обливался потом от жара от камина.

«Да. Подайте ужин в комнату, пожалуйста. Я пока сниму с себя броню, слишком долго был в пути. Прошу, покажите мне место, за которое я заплатил».

Хранитель поднялся и зашагал в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, подальше от шумного зала. Только немного отогревшись от мороза, он осознал на сколько был вымотан этим ускоренным переходом. Ноги стали словно свинцовые, а в глазах всё плыло, будто он уже приложился к нескольким кружкам медовухи.

«Конечно, конечно, вам скоро всё принесут, ГЛОВЕР! Ленивый малец, куда же он запропастился. Прошу наверх, я проведу Вас...»

Ещё не успев договорить, тучный мужчина обогнал Донвура у самой лестницы и вмиг вбежал наверх, шустро пере-

бирая, на удивление несуразно тоненькими ножками. Тяжело вздохнув, хранитель нехотя начал штурмовать ступеньки.

Хозяин помещения явно уделял ему слишком много внимания. Неудивительно – трёх лучевая серебряная монета щедрая награда за пару дней ночёвки в подобном заведении на отшибе.

Ещё во времена единого севера, королём Новулом Мудрым, была проведена денежная реформа. Он начал отливать собственные деньги нового образца. До него почти у каждого ярла или князя были собственные, и многие смешивали серебро и золото с другими, менее ценными, металлами, чтобы сэкономить. Новул же запретил чеканку монет по всему северу, и все деньги единого образца после этого производились только в Эборе.

Медная монета с изображением снежинки с тремя лучами – самая лёгкая и маленькая по цене, с пятью уже чуть больше. Потом идёт серебряная с тремя лучами, с пятью и семью. Так же использовалась золотая монета с тремя, и с пятью, была золотая с семью лучами, обычно её редко использовали, только при крупных сделках или больших покупках. Она самая тяжелая и самая ценная из всех. На обратной стороне на всех монетах, независимо от номинала был изображен герб Эбора – медвежий след. После распада севера на четыре различных государства и одно королевство, трое из них продолжили выпускать монеты того же образца, которые в простонародье назывались «снежинками», только уже с гер-

бами своих домов или родов. Лишь ярлы Норсена начали отливать собственные – квадратной формой и отверстием посередине, как когда-то давно, когда ещё не были покорены Эбором, а племена что поменьше просто рубили прутья из серебра как в древности.

Поднявшись наверх и зайдя в комнату, Донвур подождал, пока хозяин зажжёт лампы с жиром и удалится. Как только хранитель остался один, он в первую очередь снял пропитанную кровью и испачканную внутренностями волка накидку и бросил её на спинку стула. Чуть позже, по обещанию владельца помещения, её должен был забрать мальчишка. Потом по очереди стал расстёгивать все кожаные ремни на доспехах, снял наплечники, сам нагрудник, полушубок из кроличьего меха, затем кольчугу из «небесного» металла. Она по-прежнему слегка светилась синим светом в темноте. Удивительный металл, полученный из расплавленных остатков доспехов, погибших богов Звёздного легиона. В итоге, после работы над ней нескольких королевских кузнецов, получилась невероятно прочная, выдерживающие попадания стрел с узким наконечником и очень лёгкая кольчуга. Вязаная кофта с высоким воротником под ней была, наверное, в полтора раза тяжелее. Великий дар короля своему сыну при их последней встрече...

От синего свечения кольчуги комната будто сразу похолодела. У Донвура по телу пробежала дрожь. Скорее всего, на улице мороз тоже крепчал. Усиливалась выюга. Мороз в та-

ких местах очень опасен, к тому же, по рассказам владельца, волков в этих краях развелось огромное количество. Интересно, как там Несущий слово? Что делать, если он так и не смог добраться до деревушки? Донвур дал слово магистру Ордена, что доберётся и выслушает всё внимательно, о чём поведает ему монах. Магистр Тэродор странным образом слишком доверяет этому служителю. Опять же, почему, если это настолько важное поручение, он попросил его лично прийти сюда, а не принял это решение на совете...

Всё это казалось странным Донвуру, но он слишком устал, чтобы сейчас думать об этом. Хранитель закончил осмотр кольчуги и сразу же спрятал ее под соломенный, пахнущий плесенью тюфяк и лег. До чего же приятно за столько холодных ночей лечь в теплой комнате на мягкой кровати. Он закрыл глаза и образы из прошлого снова начали всплывать...

Огромный Ледяной дворец, в котором всегда было много народа от солдат, в сверкающих серебром доспехах и дорогих мехах, до южных торговцев, замотанных в яркие ткани, прибывших за легендарными Эборскими драгоценными камнями и редкими стальными сплавами. И его отец, вечно хмурый, но всегда молодой, сидящий на своем троне Дэргул – «сердце севера», сделанном из огромного куска чистейшего горного хрусталя. Отец всегда снился таким, каким его запомнил Донвур в детстве – в расцвете сил и строгим, требовательным лицом. Сон хранителя был прерван громким стуком в дверь.

«Простите, отец просил занести вам еду».

В приоткрытой двери виднелась голова мальчика, пытавшегося разглядеть в полумраке хоть что-то.

«Входи», – Донвур поправил прядь седых волос, мешавшую разглядеть мальчика».

В дверь просочился очень худой ребёнок лет десяти, а то и меньше. Он был обросшим и довольно грязным. От мальчишки сильно разило лошадыми и потом, в руке он держал широкую миску с обещанными уже остывшими перепелами, куском сыра и ломоть черного хлеба, в другой – небольшой глиняный кувшин. Из приоткрытой двери слышался шум внизу, люди Деорога Высокого никак не хотели уgomониться.

«Поставь на комод. Ты Гловер?»

«Да сэp, сир».

Ребёнок заколебался и суетливо поставил туда, куда было указано. Когда он перевел взгляд на стоящий возле кровати щит, то при тусклом свете смог разглядеть уже выцветшую эмблему и сразу же оживился.

«Вы из Эбора? Вы видели Ледяной город? Но как вы смогли дойти сюда зимой через пустошь?»

«Благодарю за ужин. Нет, я уже не из Эбора. Я – хранитель, теперь моя жизнь принадлежит Ордену, это всё, что тебе нужно знать».

Донвур сел на край кровати и взял кувшин. По выражению лица мальчика было заметно, что он хотел задать ещё кучу вопросов. Но сдержался. Прикусил губу, молча взял со

стула мокрую накидку, и вышел из комнаты. Когда он закрыл за собой скрипучую дверь, одна лампа из трех погасла. Донвур не спеша доел едва тёплое мясо с хлебом, запил всё медовухой, затем вытащил из ножен свой полуторный меч почистил его от грязи и запекшейся крови и начал точить камнем. Старый, но добротный меч из хорошей стали, выкованный ещё за сотню лет до рождения хранителя, подаренный лично магистром Яреном за то, что Донвур сопровождал его сына Сигурда через Роговое ущелье в Итар, дабы он смог стать монахом, Несущим слово в палатах Великого звёздного собора.

Наконец, убедившись, что меч снова хорошо заточен, задул лампы и лёг спать. Сон не заставил себя долго ждать. Хранитель быстро погрузился в казавшиеся сейчас сказочными воспоминания о детстве.

Утром Донвур проснулся от топота внизу. В комнате стало заметно холоднее. Из замёрзшего окна с трудом пробивался утренний свет. Пахло плесенью и потом. Кто-то бегом поднялся по лестнице и дверь без стука со скрипом отворилась.

«Хранитель... Несущий слово...»

Хозяин заведения, вспотевший и запыхавшийся от быстрого подъёма, выглядел чересчур взволнованным.

«Он явился? Спрашивал обо мне?»

Донвур убрал руку от кинжала под подушкой.

«Нет, прибыл человек, торговец. Он привез солонину, сказал, что примерно в двадцати километрах отсюда видел

крытые сани, там кругом кровь...»

Хранитель опустил голову и правой рукой потёр заспанные глаза.

«Волки?»

«Нет, сир, боюсь, что хуже...»

Глава вторая.

«Воин Арона»

«ВЫ храбрые мужи Арона! Судьба предоставила нам великий шанс прославиться на много веков вперёд! Сегодня мы поднимем кубки вместе с нашими великими предками, а живые буду завидовать нам!!! ПОБЕДА, НЕ ВЗИРАЯ НА СМЕРТЬ!!! ВО СЛАВУ АРОНА! В БОООЙ!» – из последней речи перед сражением, царя Арона, Деосена Жестокого».

Стояла полная луна, медленно в воздухе летали светлячки, подгоняемые порывами ветра. Их тёмно-зелёное свечение завораживало и одновременно успокаивало. Была на удивление тёплая ночь до этого времени года. Громко стрекотали сверчки, так же тишину нарушал басистый голос «первого» копьё, который давал наставления перед боем. Отряд стоял полумесяцем на высоком каменистом холме, окруженный плотной стеной колючих кустарников. Позиция эта была выбрана не случайно ветераном, так как их присутствие было надежно скрыто, а они напротив, имели прекрасный обзор. Волнения не было, это всего лишь рабы, ипиллы, как их называют в Ароне. Которых стало очень много... Красс стоял, опершись на своё копьё возле своего друга Неосена.

«Ты готов?» – Неосен заметно нервничал»

Ему, как и Крассу уже доводилось убивать человека на тренировках, таких же, как и он учеников, проходящих жестокое и тяжелое обучение, но это уже другое. Там будут женщины и дети... Это своеобразный обряд посвящения молодых воинов, прежде чем им выдадут, наконец, щит – терrier, большой бронзовый щит с гравировкой его имени, воинских заслуг и подвигов, а также большим номером легиона. Число, которое будет обозначать не только номер легиона, где он теперь будет проходить свою службу, но и его дома в казарме до конца жизни. А жизнь эта будет как можно короче, как надеется сам Красс и все воины могучей страны Арон. Нет ни чего позорнее, чем дожить до немощной старости и умереть слабым и беспомощным. Есть ещё вариант попробовать попасть в сенат, и там сыскать славу и известность, но шансы очень малы. Если же ты, конечно, не потомок славного, великого воина, который смог увековечить себя в мраморе на аллее славы в Родонгоре, столице Арона...

Красса с Неосеном призвали на службу в семь лет с верховьев Сосновой рощи, деревушка у озера, тихое спокойное место, это всё, что помнил Красс. Их изначально было тридцать пять, сейчас же всего пятнадцать, не считая ветерана «первого» копья, который будет следить за их «работай» сегодня. Часть призванных не выдержало тяжелейших тренировок, и умерли от нагрузок, болезней и голода, другую часть убили во время учебных схваток с оружием, одного из них

убил лично сам Красс, не специально, но так вышло. Наставники учат их не испытывать жалость, тренировки бывают очень жестокими и сложными, поэтому смертельными случаями на них никого не удивишь.

«Какая-то тяжесть на душе», – мрачно сказал Красс».

Прохладный ночной воздух касался оголенных мест на его теле, заставляя кожу покрываться мурашками. Молодой воин доверял своему давнему другу и мог спокойно рассказывать ему свои мысли, за некоторые из которых они оба могли понести страшное наказание.

«Да брось, это же всего лишь ипиллы, к тому же они незаконно тут всё отстроили, на эту область положено три тысячи рабов, а их развелось уже под четыре», – Неосен старался выглядеть уверенным, но его лицо выдавало волнение».

«Я в курсе всего этого, но разве ты не слышишь детский смех?», – тихо произнёс Красс, оглядываясь на ветерана».

Коренастый, седой мужчина, со страшным шрамом, идущим от правой груди и заканчивающийся в районе пупка. Одет он был, как и все они: лёгкие сандалии, кожаная набедренная повязка и зелёный плащ, за исключением цвета оперения его шлема. У «первого» копья оперенье на шлеме было выкрашено в оливковый цвет. Так же он один из всей группы имел террерий, остальные же украдкой поглядывали на столь желанный им предмет, обозначавший, что этот человек закончил тринадцатилетнее обучение полностью и может называться воином Арона. Красс с тоской осмотрел

свой абсолютно гладкий и пустой как коленка малый круглый щит.

«Мне самому не по душе всё это... Но подумай вот о чём: седьмой легион, повышенное жалование, слава, к тому же поговаривают, наш царь, Фокл, намерен развязать новую войну, а седьмой легион ещё не пропускал ни одной битвы», – настаивал Неосен».

«Прекратить разговоры! Вы, трое, на правый фланг, и запомните: никто не должен сегодня уцелеть, сегодня вы, наконец-то сможете назвать себя воинами Арона, в бой!»

Неосен улыбнулся своему другу, надел свой круглый бронзовый щит на руку и побежал со склона. Красс медленно надел на голову шлем с белым оперением, перехватил копье в правую руку и тоже направился к деревне. Дорога со склона была крутая и каменистая, приходилось маневрировать между разросшимися кустарниками, которые предательски цепляли тёмно-зелёный плащ. Он откровенно прослушал инструктаж и поэтому просто побежал по центру, куда направилось большинство.

Деревня была не большая, навряд ли там смогло бы набраться хотя бы с полсотни жителей. Она вся состояла из небольших домиков, сложенных из речного камня, крытых соломенной крышей, улочки были неровные, а сами дома стояли близко друг к другу, свысока казалось, будто вся улица это единый, длинный дом. Уже наступила ночь, матери уводили своих детей домой, чтобы искупать их и уло-

жить спать. Мужчины же отдыхали после тяжелого дня в поле, несколько из них ремонтировали рыболовные сети возле своих домов, растянув их на невысоких столбах, вкопанных на одинаковом расстоянии друг от друга. Первая копейщиков заметила женщина, которая возвращалась с реки с большим глиняным кувшином воды. Она вскрикнула: «каратели! Копейщики здесь! Спас...», – не успев договорить, копье проткнуло её грудь».

«Отличный бросок, Феол», – оценил ветеран».

Деревушка моментально оживилась, несколько мужчин выбежали из своих жилищ с факелами, одного из них сразу же, проткнули копьем, факел упал на край соломенной крыши и здание моментально вспыхнуло. Дальше ветер сделал своё дело. Кругом творился хаос, крики умирающих и вопли о пощады. Красс добежал почти до середины деревни, когда перед ним появилась пожилая женщина. Она выскочила неожиданно из густого, чёрного дыма, молодой воин на мгновение замешкался и только потом нанёс удар в лицо своим щитом, сбив её с ног, и побежал дальше.

Почему я не убил её? Настаивал внутренний голос. Из-за угла здания на него кинулся худой мужчина с вилами, лицо его свело от ужаса, а глаза все покраснели и слезились от удушающего дыма. Отразив удар своим щитом, Красс вогнал наконечник своего копья ему в шею.

После убийства наступила, какая-то лёгкость, дрожь пробежала по всему телу, возле него на четвереньках пропол-

зал другой ипилл, волоча свою раздробленную щитом ногу, Красс добил и его. Затем ещё один был поражен, его копьём в живот, мальчишка, возрастом примерно младше его самого. Всё вокруг закружилось, и он будто попал в какой-то круговорот из крови, стали и смерти, плохо осознавая, что происходит. Он дошёл уже до окраины деревушки, когда «краем» глаза заметил убегающего мужчину, расстояние было приличное, пожилой ипилл что-то нёс на руках и бежал в сторону леса, который был в полукилометре от деревни. Красс скинул с левой руки окровавленный щит, прицелился и отправил свое копье в полёт. Копье описало дугу и воткнулось в землю, порезав ипиллу бок, он споткнулся, упал, но всё же поднялся, и хромая побежал дальше. Красс извлёк свой меч из ножен и побежал за ним.

Догнать хромающего человека не составило труда. Молодой воин подрезал мышцу на ноге убегающего мужчины. Тот свалился на землю, не издав не звука, и выронил свою ношу. Это оказался ребенок, девочка, года четыре, пять. Она кувыркнулась по инерции и уселась на сырой траве. Раздался детский плач. Мужчина начал молить Красса о милосердии к ребенку, протягивая к нему свои худые, липкие от крови руки, цепляясь за плащ. Но все молитвы были прерваны вошедшим в горло мечом. Немного отдышавшись, он подошел к ребёнку, взял её за ногу и поднял с земли.

Развернувшись лицом к деревне, он увидел чарующий своей воинственной жестокостью пейзаж. На изумрудно-зе-

лѐной траве, покрытой капельками недавнего дождя, сверкали блики пламени, от утопающей в чѐрном смоге деревушке.

Половина всех строений было объято пламенем, которое с рѐвом возносилось к звѣздному небу, озаряя мрак вокруг и отражаясь в спокойной воде небольшой речушки. Постоянно доносились вопли сгорающих заживо людей, и быстрые приказы «первого» копьѧ. Во всѣм этом оранжево-красном хаосе мелькали блики от бронзовых щитов его сослуживцев и блеск смертоносного металла.

Дышать было тяжело, ветер нѣс дым в его сторону, от которого разъедало глаза и сдавливалось горло, будто его кто-то душил. Пахло гарью, кровью, мочой и жжѣными волосами. Красс снова посмотрел на плачущую в его левой руке девочку и занѣс свой меч. Но она вдруг неожиданно перестала плакать и посмотрела ему прямо в глаза. Маленькие слезливые, чѐрные глазки впились ему прямо в душу. Он опустил меч, затем его буквально взбесило своя жалость к этому маленькому ребенку раба. Он снова занѣс свой меч, но так и не смог нанести удар. Так он и простоял бездвижно несколько секунд. Словно статуя из аллеи славы...

Странное чувство разрывало его внутри... Он будто смог разглядеть себя маленького в глазах этой девочки, в тот момент, когда солдаты забирали его у матери. Как она стояла в пороге их небольшого домика, окружѣнная копѣйщиками, а по щекам текли крупные слѣзы. Двое солдат вели его в сторону вытянувшихся в середине деревни каравана повозок,

держа за плечи, он смотрел на неё и не понимал пока ещё, что происходит.

Он разжал свою левую руку, и ребёнок свалился на влажную траву и снова зарыдал. Подобрал своё брошенное копье, Красс молча развернулся и пошёл в сторону леса.

За спиной раздался знакомый голос Неосена: «Красс! КРАСС!»

Но молодой воин не слушал его. Не обращая внимания на крик друга, он вступил в сумрак леса. Здесь было намного прохладнее, чем на опушке. В лесу стоял плотный туман. Сам воздух словно загустел и обволакивал его горячее от бойни тело. Рокот сражения тоже постепенно начал отступать. Красс услышал, что кто-то преследует его. Молодой воин остановился и замер в ожидании. Его настиг Неосен.

«Ты что делаешь, Красс!? Тебя же четвертуют как труса!» – Вид у него был взъерошенный, шлем отсутствовал.

«Пусть сначала поймают...», – тихо ответил Красс, стоявший к нему спиной».

«Они даже ловить тебя не будут, я сам отведу тебя назад! У тебя совсем уже с головой проблемы, ты что задумал?!»

«Я не вернусь назад...», – Красс опёрся на древко копья, всем телом почувствовав усталость от происходящего, он все ещё не находил в себе сил обернуться и посмотреть на своего друга».

«Но почему? Это же всего лишь жалкие рабы! Мы уже всё сделали, тебе лишь нужно вернуться назад, и ты получишь

свой щит. Всё, о чем мы с тобой мечтали с детства сбудется сегодня ночью, сейчас! Мы скажем ветерану, что преследовали убегающего, никто не узнает об этом! Посмотри на меня! Красс, посмотри!»

«Нет... я не могу... Я мечтал о славе с тех пор, когда впервые взял копьё в руки. Но мне не нужна слава, добытая трупами детей и женщин, пусть и ипиллов».

«И куда ты пойдешь? Я не отпущу тебя! Я не стану нарушать присягу!», – ещё громче прокричал Неосен».

Молодой воин помолчал пару секунд и затем вполголоса ответил: – «на юг», – и медленно пошёл дальше».

«Красс! КРАСС!»

Просвистело копьё. Оно порезало плечо Красса и воткнулось в тонкую ель, пробив её.

«Не делай этого...», – голос Неосена звучал зловеще».

«Ты же знаешь, я не могу просто тебя отпустить», – Неосен извлек меч из ножен и побежал на Красса».

Молодой воин в свою очередь развернулся, и вскинул копьё. Но так и не нашёл сил бросить его в друга. Красс откинул копьё в сторону и достал меч. Сталь с искрами соприкоснулась о сталь. Они закружились в вихре танца железа и смерти. Неосен был физически сильнее, но Красс проворнее. К тому же у Неосена был щит. Красс был вынужден отступать, то и дело, изворачиваясь от смертоносных ударов. В конце концов, Неосен оттеснил Красса к той молодой ели, в которой торчало копьё. Торчавшее древко мешало ему, и

он отрубил половину. Красс отступил за дерево и получил неглубокий порез с правого бока. Он заметил, что наконечник копья Неосена торчит с обратной стороны дерева и, когда успел парировать очередной выпад, надавил всей своей массой на его щит и буквально насадил на острие копья, пригвоздив того к дереву. Неосен негромко вскрикнул и поперхнулся своей кровью. Красс отошёл от него, тяжело дыша. Неосен вытянул руку с мечом перед собой и уронил щит, который со звоном ударился о небольшой камень на земле и откатился от дерева. Молодой воин выбил меч из рук Неосена одним ударом своего оружия. Весь бой пролетел словно за мгновение.

«Хватит!», – взревел он».

Шлем сдавливал голову. Красс снял его и швырнул в сторону.

«Смирись уже! Я принял решение! Смотри, что мы наделали! Ты был мне как брат!», – молодой воин тяжело дышал, приходя в себя от мощных ударов друга».

«Т-твои родители на веки будет опозорены...», – сплюнув кровь, произнёс хрипло Неосен».

«Кто?! Мать? Чьё лицо я уже не помню или отец, который ещё до моего рождения погиб в бесконечных войнах?!»

Неосен молчал, он опустил голову и его взгляд остановился на окровавленном острие копья. Тёмно-красный наконечник копья торчал чуть ниже его груди.

«Девочка...», – тяжело произнёс Неосен, кровь пузыри-

лась на его губах».

«Я... я сделал то, чего не смог ты... Не на юг... иди на север, обойди Андор, перейди горы и попадешь в Роррен... Там тебя точно не будут искать...», – кровь тонкой струйкой побежала из его рта».

Красс молча смотрел на умирающего друга.

«Давай, сделай это... я хочу выпить за одним столом с Деосеном...», – голос Неосена слабел, каждое слово давалось ему с огромным усилием».

Красс помедлил, ему не хотелось этого делать, но он осознавал необходимость. Отойдя чуть в сторону и закрыв левой рукой глаза другу, тихо произнёс: – «оставь вина и для меня мой друг, мы ещё осушим кубки вместе...», – одним резким движением, молодой воин перерезал мечом горло».

Красс отошёл, от льющейся, пульсирующей крови шёл пар. Он поднял его щит, взял копье и пошёл назад обходным путём вокруг деревни, подальше от этого проклятого места.

Молодой воин понимал, что их ещё не скоро хватятся. Сначала решат, что двое погибли при зачистке деревушки. Но утром, когда всё основательно осмотрят и не найдут их тела, начнут поиски. Так что у него в запасе есть минимум полдня. Этого должно хватить, чтобы оторваться от преследования, потом главное не нарваться на патрули. Идея Неосена отправится не на юг, а на север показалась Крассу разумной. Обычно беглые солдаты стараются бежать именно туда, в тёплые страны в наёмные отряды. Воины Арона

славятся выносливостью и живучестью, но не устойчивостью и терпимостью к низким температурам, это одна из главных причин, почему все дезертиры бегут именно на юг, где с охотой их берут за большие деньги на службу. Хорошо обученные копейщики, пусть и беглые, уже давно зарекомендовали себя по всему Кропосу.

На юг и направят большинство поисковых отрядов. На севере же сейчас разгар зимы. К тому же, ситуация там тоже беспокойна – может кому и понадобится его копьё. Главное – это обойти Андор и пересечь цепь Хорвудских гор. Красс слышал, что там водятся снежные тролли, могучие и безумно свирепые существа, напасть всего севера. Пожалуй, он будет первым аронцем, если сможет убить зверя в одиночку.

Ориентируясь по звёздам, Красс быстрым шагом продвигался вперёд по лесу. Он всячески пытался отгонять в голове мысли об убийстве друга, который встал на его пути, но всё было тщетно. То и дело всплывали воспоминания из юности, где Неосен был всегда рядом и помогал в трудную минуту.

Просто за бегство его возможно бы ещё кинули на арену, это лучший вариант, но за убийство сослуживца лёгкой смерти ему не дожидаться. Он уже точно решил, что живьём не дастся. Уж лучше умереть с мечом в руке, чем быть разорванным лошадьми. Красс бежал без остановки почти до самого рассвета. Лес оказался намного длиннее и никак не кончался. Кривые дубы, обросшие мхом, в тумане казались

огромными великанами, застывшими в ожидании нерасторопных путников. Несколько раз он останавливался и закрывал глаза, прислушиваясь – не следует ли за ним поисковый отряд. Красс путал следы и возвращался назад, дабы сбить с толку собак. Когда пересёк узкую реку, он перекусил жёлтыми ягодами с кустарника, которые приятно отдавали мёдом во рту, напился холодной воды из источника, промыл раны и забрался между двух кустов. Поставил уже теперь свой щит под углом к дереву, лёг на него и заснул в тени. Во снах он видел своего друга...

«Готов? Если он выиграет, будь уверен, через шесть месяцев я его убью».

«То есть ты хочешь сказать, что этот ублюдок будет ещё шесть месяцев топтать землю, когда я буду гнить в земле? Ну уж нет, я не доставлю тебе такого удовольствия, до следующей воколлы он не доживет».

В этот день Красс прошел полугодовалое испытание, но получил перелом ребра. Мелочь по сравнению с его копьём, воткнутом в ногу противнику. Неосен постоянно поддерживал его в трудный час. А когда им доводилось тренироваться друг с другом, Красс не раз замечал, что открывался для смертоносных ударов, по крайней мере, сначала, но уже спустя несколько лет, они были уже на равных. Правда, во владении копьём, он по-прежнему уступал своему другу.

Проснулся он от резкого визга. Несколько кабанов и большой хряк вышли из леса, чтобы попить воды из реки. Красс

осторожно взял копьё и пополз в их сторону. Кабаны его не видели. Ветер дул в его сторону. Посчитав это добрым знаком, он привстал и бросил копьё. Небольшое стадо сразу же разбежалось, но один остался на месте, пригвождённый к земле копьём. Достав короткий меч, Красс аккуратно снял с него шкуру и отрезал немного филе, затем положил мясо на шкуру кабана и пошёл в лес за хворостом. Разжег костер.

Он рисковал выдать себя дымом от костра, но свежее мясо быстро бы испортилось, если его не приготовить, да и сил от ночного перехода он потратит много, хороший завтрак был ему просто необходим. Пока мясо жарилось, молодой воин прополоскал шкуру в реке, очистил её шершавым камнем от остатков мяса, и смастерил из неё на подобии дорожной сумки. В качестве верёвки послужили тонкие полоски кожи того же кабана. Сумка не отличалась эстетичностью, но свою функцию выполняла с лихвой.

Недоеденное мясо и немного жёлтых ягод, завёрнутых в широкие листья какого-то берегового растения, были спрятаны на дне сумки. Остатки кабана с внутренностями он перенёс к кустам, где недавно отдыхал, и зарыл от посторонних глаз, след от костра тоже пришлось закопать и припорошить сухими листьями. Поскольку днём звёзды не указывали ему путь, пришлось ориентироваться по мху. Немного пройдя по неглубокому руслу реки, Красс вышел из воды, когда она начала менять свое направление и уходить западнее от севера. Хвойный лес сменили березы и осины. То и дело пробега-

ли олени или косули. Ближе к вечеру, когда лес стал редеть, вдали стала заметна огромная синяя туча, заволакивающая весь горизонт. Пройдя ещё немного вперёд и взобравшись наверх холма, он залюбовался открывающимся видом.

В долине, почти у самого горизонта, возвышалась могучая гора. Настолько огромная, что её пик был выше облаков, которые будто зацепились за гору и парили неподвижно, скрывая вершину. Ничего более огромного Красс не видел в своей жизни. Вековые деревья, что росли у её подножья казались маленькими травинками. Гора словно нависала над всем простором, до неё ещё было много километров, но уже сейчас приходилось задирать голову, чтобы разглядеть ее серебряные склоны, упиравшиеся в молочные облака. Она была необычайно широкой и тупым углом возвышалась вверх. Рядом были целая гряда гор поменьше, но ни одна не дотягивала хотя бы до середины исполинской вершины.

«Андор», – неожиданно для себя вслух сказал Красс».

Ему ещё ни разу в жизни не доводилось видеть её. И только тут он понял, что ему надо перейти эти горы. Настроение сразу же испортилось, и заболели ноги, словно упрасывая его сделать привал. Но место было неподходящее, к тому же, солнце ещё было достаточно высоко, и у него в запасе ещё оставалось несколько часов.

Вдали виднелся дым. Скорее всего там находилась деревушка, она располагалась в низине, скрывавшей её. Пройдя еще несколько километров, он оказался на опушке выруб-

ленного леса. С небольшого каменистого холма открывался отличный вид на деревню. Красс в раздумьях стоял, не зная, куда ему идти. Вряд ли ипиллы будут рады молодому аронцу. К тому же щита террерия у него всё ещё нет, а это вызовет подозрение. В нём могут опознать беглеца и попытаться вернуть за вознаграждение.

Постояв еще пару минут, он решил все-таки подойти поближе к деревне с западной стороны – там его хотя бы будет скрывать густой лес. Огромные сосны стояли плотными рядами, стволами закрывая весь обзор и укрывая Красса от посторонних глаз. С трудом и проклятиями пробравшись через колючий кустарник, он оказался на краю леса. Впереди торчали невысокие пни и огромные кучи полусгнивших ветвей. Пахло землёй, сыростью и деревом.

Возле деревни была постройка для обработки дерева, высокое каменное строение, освещаемое лампами. Жителей, по-видимому, было намного меньше, чем в той, которую недавно зачищал Красс. Дома были построены не из глины, смешанной с соломой, а из толстых брёвен. Некоторые даже имели второй этаж. Быстро стало темнеть, и деревушка стала выглядеть покинутой, если бы не слабое свечение в окнах и лай собак. Крассу хотелось пойти в первый же дом и попроситься переночевать. Мысль о тёплой еде и крыше над головой казалось не такой безумной в прохладный вечер. Но разум всё-таки восторжествовал, и молодой воин неохотно побрел на восток, стараясь обойти вырубленную делянку с

торчавшими на ней широкими пнями.

Вдруг, справа от дороги послышалось ржание и фырканье лошадей. Красс присел, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь среди широких стволов деревьев. Звук усиливался. Сначала он казался монотонным, но, буквально через несколько секунд, уже можно было различить топот десятка лошадей и лязганье металла. Показались всадники. Две дюжины солдат с круглыми щитами, без имён и номеров легиона. Колонной по двое они быстро приближались с востока. Во главе, на рыжем, крупном жеребце, восседал копейщик в шлеме с оливковым оперением. Сначала Красс подумал, что это патруль, но как только смог разглядеть оперение шлема предводителя, сразу понял, что сейчас последует.

Снова раздались крики и вопли умирающих. Молодые воины не щадили никого. С десятков человек побежали к лесу, огибая широкие пни. Большинство даже не успели пробежать и половины пути, как были убиты копьями. Но двое всё-таки вбежали в лес – прямо туда, откуда наблюдал за происходящим Красс. Пожилая женщина, завернутая в серую, мешковатую ткань и невысокая девушка лет пятнадцати. Два молодых воина, промахнувшись в броске копьями, обнажили мечи и со смехом начали преследование. Всё складывалось не в пользу Красса. Копейщики забежали в лес и именно туда, куда лежал путь на север молодого воина. Возвращаться назад было слишком рискованно и, мгновенно приняв решение, он ринулся вперёд.

Выругавшись про себя, он начал пробираться сквозь кустарники наперерез убегающим ипиллам. Он бежал на звук, так как толстые стволы сосен мешали увидеть всю обстановку. Услышав предсмертный крик, Красс, что есть силы, рванул в ту сторону. Копейщик догнал пожилую женщину и распорол ей живот, он даже не успел ничего сообразить, как Красс в прыжке со спины вогнал ему меч на половину между плечом и шеей. Аронец упал сначала на колени, а потом свалился на землю, головой упершись в дерево. Он был юн, шлем слетел с головы, обнажив чёрные, как уголь кудрявые, блестящие от пота, волосы. За спиной раздались крики девушки. Красс только и успел отбежать недалеко от труп аронца и укрыться за толстым деревом. Он припал к нему спиной, ощущая прохладу от влажного ствола и запах смолы, стекающей в местах разрыва коры.

Девушка выбежала на небольшую полянку, крытую сверху кронами деревьев, прямо на то место, где недавно убили женщину и встала как вкопанная с выражением ужаса на лице. Сзади второй воин со смехом догонял её. Ему оставалось несколько метров до стоящей девушки, как он неожиданно для себя напоролся на копьё Красса. Аронец схватился левой рукой за древко, а правой попытался рубануть под ребра, но Красс блокировал выпад мечом и нанёс режущий удар в шею, окропив себя его кровью. Девушка обернулась на шум и снова вскрикнула, закрыв лицо руками. Красс, вытащил копьё из живота аронца и повернулся к ней. Весь в

крови и исцарапанный он смотрел на неё таким же недоумевающим взглядом, как и она на него. По лицу девушки и едва заметному рывке всего тела, было видно, что она захотела попробовать убежать прочь от этого места, но затем перевела взгляд на окровавленное копьё и расплакалась. Опустилась на колени и начала громко молиться:

«Пресвятые защитники небес, стражи мира и порядка, взываю к Звёздному легиону, оберегите меня от беды грядущей,

даруйте сил, мужества и мудрости в час тяжёлый...»

«Да тише ты! Нас могут услышать!»

«Не оставьте в беде, укажите путь праведный...»

Красс подошел к ней и силой за локоть приподнял. Девушка легонько вскрикнула и закрыла глаза, продолжая проговаривать молитву про себя, её тонкие губы чуть шевелились.

«Ты слышишь меня! Как тебя зовут?», – вскипел Красс, схватил обеими руками за плечи и встряхнул её».

Девушка посмотрела большими карими глазами, из которых лились слезы, и тихо, с небольшим акцентом, вымолвила: «меня зовут Кэлла, господин».

«Хорошо, Кэлла, я – Красс. Хочешь жить, Кэлла?»

Девушка утвердительно закивала головой. Её тёмные волосы, длиной чуть ниже шеи колыхнулись в такт.

«Тогда слушай меня внимательно и делай то, что я тебе скажу, хорошо? Нужно уходить отсюда, быстро!»

Кэлла промолчала, снова закрыла глаза и начала шевелить губами, тихо дочитывая молитву.

Красс переложил в левую руку копьё, а правой схватился за её маленькую, холодную ладонь и направился на север, силой ведя за собой. Девушка пробежала с десятков шагов и затем начала упираться ногами в землю.

«Что не так?», – раздражённо спросил молодой воин».

«Господин, юг не в той стороне», – дрожащим голосом ответила она».

«Мы идем не на юг, а на север. Обойдём Андор и преодолеем Хорвудские горы. Там мы будем в безопасности, доверься мне».

Красс не стал дожидаться ответа, а просто вскинул лёгкую как лань девушку на плечо и побежал что было сил. В голове вертелась одна мысль – север, на север, там безопасно.

Сзади слышались громкие голоса, люди выкрикивали имена в ожидании ответа. Девушка до этого момента брыкавшаяся и стучавшая маленькими кулачками по спине, сразу же вцепилась в него всеми конечностями.

Наконец-то, за столько дней, Красс почувствовал тепло... Кажется, он нашёл смысл в своей жизни, и сейчас нёс его подальше от жестокости и несправедливости могучей страны Арон...

Глава третья.

«Командующий королевской стражи»

«Я созвал вас в этот тёмный час в Итар лишь для одной цели... Цели, которая намного выше всех ваших предрассудков и споров. Пора оставить все распри в прошлом и объединиться, ибо мы ещё не сталкивались с таким врагом, чья единственная цель заключается в уничтожении наших народов и всего человечества...», – «История Кропоса и простора за тысячу лет», историка Редвина Лодвинга, пятый том, сто шестая страница (Из речи Короля Элвина Третьего, именуемым Храбрый»).

Поднимаясь по винтовой лестнице, Мирстан почувствовал одышку. Он сам не понимал, зачем уже четвертый день подряд одевает самые тяжелые латные, покрытые тёмно-синей эмалью доспехи, хотя для двора у него есть облегчённый вариант экипировки. Скорее всего, из-за того, что времена сейчас беспокойные, король стар и уже при смерти. Завтра должна была состояться инаугурация его молодого сына, по настоянию самого правителя, так как он уже не в состоянии полноценно руководить государством. Наконец, поднявшись и войдя в один из сотен хорошо освещенных узких коридоров, он столкнулся нос к носу с главным казначеем королев-

ства, лордом Титом Селвином.

«Какая приятная встреча, лорд-командующий. Я понимаю, мы направляемся в одни и те же покои?»

Лорд Тит показался ему ещё толще с последней встречи, а его пышная кудрявая шевелюра на голове еще объёмнее.

«День добрый, лорд Тит. Место капитана стражи рядом со своим королем», – словно не желая продолжать этот диалог, произнёс рыцарь».

От казначея пахло чем-то приторно-сладким, Мирстан не смог разобрать чем именно, но этот запах показался ему мерзким.

«Верно, верно. До вас уже, наверное, дошли слухи, что ваше место может измениться в скором времени... Молодой принц Филипп намерен назначить своего командующего гвардией и личного защитника, сира Олоса, на эту должность».

Казначей изобразил учтивую улыбку на толстом лице.

«Обычный «мясник». В Ночной крепости слухи распространяются с невероятной скоростью», – раздражённо ответил Мирстан».

Лорд Тит сложил пухлые руки за спиной, выставив вперёд необъятный живот, на миг рыцарю показалось, будто он услышал, как затрещали пуговицы на богато украшенном золотой вышивкой камзоле.

«Я бы сказал, он неплохой воин, умеющий эффективно и быстро «устранять» неприятелей принца, пусть и является

«варваром» как говорят некоторые», — мягко, почти шёпотом произнёс казначей, словно боясь, что человек о ком они говорят может их услышать».

Старый рыцарь промолчал, прекрасно понимая, что это правда.

«У вас одышка? Удивительно, ладно я со своими тучными размерами постоянно мучаюсь на этих чёртовых ступеньках, но вы... Как беспощадно время! Давно ли вы вышибли сира Гланса из седла на турнире в Озёрном замке? Будто это было вчера... Я до сих пор вспоминаю ваш триумф».

«Иногда милосердие важнее, чем слепая жестокость. Умение убивать людей не делает человека великим или хорошим командующим».

Мирстан пропустил колкое замечание в свой адрес, так как сам прекрасно догадывался о своем состоянии на пятьдесят первом году жизни.

В молодости он мог померяться силами с любым рыцарем из всего Кропоса на турнире. Но сейчас он стал просыпаться раньше, спать меньше, уставать быстрее, и память тоже начала подводить.

«Эти ступеньки пошли вам на пользу — вы скинули пару килограмм с последней нашей встречи», — спустя небольшую паузу сказал Мирстан, дабы поддержать диалог и показаться учтивым».

«Действительно?»

Тит расплылся в улыбке, и его несколько подбородков за-

колебались.

«К сожалению, в скором времени я должен буду оставить это чудное место. Молодому принцу Филипу уже не терпится править. Он от лица короля отдает указания, буквально через пару дней я отплываю в Шанол, и это в то время, когда осенние шторма на море особенно коварны».

«Он молод и горяч, да и никогда не отличался терпеливостью. Это свойственно его возрасту».

Они прошли длинный коридор и вошли в небольшой дворик со стеклянной крышей, выложенной разноцветной мозаикой, которая сейчас вся переливалась от осеннего солнца. Из открытых ставней террасы приятно чувствовался морской свежий воздух, который хоть немного сбивал жар от разогретого солнцем камня в стенах замка.

«Вы так думаете? Называть себя королем при еще живом...», – чуть слышно произнёс лорд Тит».

«Пустая формальность. Всё состоится завтра».

Старому рыцарю нравилось это место: тут всегда было много зелени и удобные лавочки, сделанные из синего мрамора, на которых можно было обдумать мысли или просто перевести дух после подъёмов по винтовой лестнице.

«Да будет его правление долгим и справедливым!» – уже громче произнёс казначей».

«Долгим и справедливым!», – повторил Мирстан».

Наконец, дыхание начало приходить в норму. Рыцарь ускорил шаг.

«Я надеюсь, как командующий королевской стражи, вы сможете обеспечить достаточную защиту его высочества от простолюдинов. Массы волнуются. Последние годы принц, заверив свои указы подписью больного короля, принял огромное количество новых законов, затрагивающих все аспекты жизни государства, да и налоги не прекращали расти. Так же молодой наследник уже несколько лет тратит колоссальные суммы на реформы в армии. Да и вся эта шумиха по поводу раннего сбора урожая...» – спустя небольшую паузу продолжил лорд Тит».

Они вышли к ещё одной небольшой лестнице, освещённой с востока лучами солнца, бьющими через узкие, вытянутые окна.

Вздыхнув от усталости, Мирстан ответил: «это моя работа, к тому же церемония будет закрытой, только среди высшего общества. Новый король выйдет к простолюдином на площади перед Великим звёздным собором. А разве не были настаивали на повышении налогов, милорд?»

«Я всего лишь казначей, государству нужны были деньги, Элланская империя подняла цены на зерно, да и перевооружение армии обошлось безумно дорого...»

Лорд Тит поправил пояс, вечно сползающий вниз, и замедлил свой шаг.

«Поверьте, пусть лучше крестьяне возмущаются от высоких налогов сейчас, чем бунтуют от голода зимой. Сильный голод может с подвигнуть человека на крайности и заставить

опуститься до звериной жестокости...»

«Главный казначей у нас – вы. Вам и виднее».

Мирстан ускорил шаг и вырвался чуть вперёд, чтобы не толкаться с необъятным лордом в узком коридоре, виднеющимся впереди.

Пройдя еще одну большую открытую террасу, с которой открывался прекрасный вид на нижние ярусы города и Серебряный залив, они, наконец, подошли к очередному узкому коридору. Перед ними предстала огромная дверь из дуба, окованная резной сталью в виде двух богов из Звёздного легиона. Два ночных стража выполнили воинское приветствие, опустив головы при виде Мирстана, массивную дверь открыли, и в нос сразу же ударил едкий запах различных мазей, которыми без конца натирали старое тело короля.

Он лежал на огромной кровати и буквально утопал в перинах. Было видно только его голову и торчащий, словно плавник акулы, нос. Вокруг то и дело бегали три придворных целителя с различными травами и порошками, постоянно споря друг с другом. Воля Мирстана – он бы их всех выгнал ещё неделю назад. Складывалось впечатление, что они буквально залечивают короля до смерти. Но Филипп строго запретил им покидать покои, пригрозив связать их бороды вместе и скинуть в холодные воды Серебряного залива, если они ослушаются его. Рядом у северной стены стояла многочисленная прислуга, как показалось старому рыцарю, вид у них был печальный и встревоженный.

«Кто здесь?» – тихо прохрипел король».

«Государь, командующий вашей стражи и главный казначей», – громко произнёс Мирстан, выпрямившись, словно на параде».

«Кто? Я ничего не понял, что за главный кузнец? Ради всех богов, говори громче!» Король попробовал приподнять голову, чтобы разглядеть вошедших, но его лицо тут же скривилось от резкой боли».

«КАЗНАЧЕЙ, ваше величество, лорд Тит Селвин!», – ещё громче произнёс рыцарь».

«Ааа, этот пузырь ещё не лопнул, ну дела, подойди сюда поближе, кхе-кхе. Неужели у меня уже настолько плохи глаза, что я даже не смог увидеть тебя, старина Тит?»

Кожа короля казалась серой, в некоторых местах появились тёмные язвы с виду больше, походящие на небольшие синяки.

Лорд Тит учтиво улыбнулся Мирстану и маленькими шажочками зашагал к кровати. Со стороны выглядело, будто казначей неохотно приближается к высокому обрыву, а не к своему повелителю.

«Не так близко, ты всё солнце загородил, точно, Тит, ответь мне, зачем Филипп отправляет тебя в Элланскую империю, кхе-кхе?»

«У юного короля много планов и указаний, и он не...»

«Король ещё пока я!»

Кашель снова прогремел в комнате.

«Не хороните меня раньше времени. Я стар, но не глуп. С чего этот мальчишка отправляет такого слизняка, как ты, на юг?»

Тит помолчал пару секунд.

«О, Звёздный легион, да я раньше умру, чем ты разродишься. Говори быстрее, у меня и так немного времени осталось. Эта проклятая болезнь выжала из меня все силы...»

Лорд Тит поколебался немного, но затем быстро проговорил: – «принц Филипп приказал мне обговорить новые цены на зерно с Улан-Таром Четвёртым, так как я всегда был в хороших отношениях с правителем Элланской империи...»

«Приказал, ну и ну, дальше?»

«И обсудить условия помолвки вашей младшей дочери Фэйлы. Как вам известно, император всё ещё холост».

Тит морщился рядом с королем, словно смотрел на покойника.

«Фэйлы? Ей же всего четырнадцать. Конечно, холост, прежнюю свою жену он скормил крокодилам».

Едва договорив, король снова разразился кашлем.

«Ну, по слухам она ему изменяла...» – Начал говорить лорд Тит.

«Слухи...» – Перебил его повелитель.

Король прокашлялся, выплюнув сгусток крови. Сразу же подбежал целитель с белоснежным платком. Повелитель вырвал у него платок и сам, кряхтя, обтёр губы.

«А что обо всём этом думает мой верный страж? Мирстан,

что ты встал у порога, как побитая собака, дай хоть взглянуть на тебя».

Мирстан подошёл поближе, гремя бронёй, и встал на колено.

«Повелитель».

«Да встань ты!», – раздражённо произнёс король».

Рыцарь поднялся, ощутив вес доспехов.

«Ну, помолвка моей дочери с этим гордым горцем? Что обо всём этом скажешь старый друг?»

«Элланский император сказочно богат, все доходы от торговли пряностями, зерном и золотом поступают в его казну...», – спустя короткую паузу начал говорить Мирстан, но был прерван королём».

«Деньги... Вот обрадуется Фэйла, когда ей скажут, что как только она расцветёт её, отправят в пустыню и горы... А как же старшая? Почему не её?»

«Это, к сожалению, мне не известно, ваше величество... Полагаю, принц Филипп скажет об этом сегодня вечером на совете», – лорд Тит сделал пару шагов назад от задыхающегося от кашля короля».

«Дожить бы до вечера, я уже с трудом узнаю его... Раньше он то и дело пропадал в библиотеках, да собирал жучков и пауков по всему замку. Никогда не любил этих отвратительных созданий. Ступай Тит, начинай приготовления к отправлению, а ты, Мирстан, подойди поближе».

Лорд Тит с нескрываемым облегчением быстро зашагал к

выходу, семена маленькими пухлыми ножками.

«Все вон! Оставьте меня со старым другом хоть на минуту!» – Прохрипел король».

Слуги вышли немедленно, а целители замерли в замешательстве. Мирстан схватил одного за бороду и вывел из комнаты. Остальных уговаривать не пришлось. Король расхохотался в кровати и опять разразился кашлем. Рыцарь подошёл к маленькому столику и наполнил бокал вином, подслащённым мёдом. Повелитель, испив, кивнул в знак благодарности.

«Итак, Мирстан, хватит ли у тебя сил исполнить последнюю волю своего короля?»

Рыцарь встал на колено.

«Да встань ты! Пригляди за девочками, слышишь? Филипп – хороший сын, и хорошим королём будет... Но он слишком циничен... Проследи, чтобы они были в безопасности, ради меня...»

Каждое слово давалось королю с трудом.

Мирстан понимал, что выполнить данный приказ будет физически невозможно если сестёр разлучат, поэтому выбирал слова с осторожностью, прежде чем ответить.

«Обещаю, что сделаю всё, что в моих силах для этого».

«Хорошо... Хорошо...», – Король закрыл глаза и задремал».

Мирстан простоял рядом ещё около получаса, всматриваясь в исхудалое лицо повелителя. Всего шестьдесят, а выгля-

дит на восемьдесят, он никогда себя не щадил. В молодости всегда был на передовой, не страшился сражаться с тварями Великого роя и принимать участие в поисках «небесного» металла в Мёртвых городах. В старости сутками просиживал на бесконечных советах и приёмах. Но главным его достижением за годы правления Мирстан считал пятнадцать спокойных лет без войн и крупных конфликтов с соседними государствами. Он не был величайшим воином, или лучшим из правителей, но при нём люди жили в спокойствии и достатке. Человек, отдавший всего себя государству...

Когда рыцарь вышел из комнаты, целители гуськом забежали обратно. Мирстан отдал приказ страже никого не пускать к королю, чтобы он смог спокойно выспаться и пошёл в овальный зал. Скоро должен был состояться совет, а это значит, ему нужно в короткие сроки преодолеть несметное количество ступенек и коридоров. Старость... Вернуть бы свои шестнадцать лет...

Замок был полупустым. Вся знать сидела в своих покоях, готовясь к завтрашнему торжеству, а слуги были заняты на нижних ярусах города приготовлением Великого звёздного собора, украшая его для коронации. Дорога в овальный зал заняла почти полчаса. Здесь царило явное оживление. Перед входом уже стоял лорд Тит, беседуя с архиепископом Несущих слово, Иоанном Глантом, одетым как всегда в богато украшенную сапфирами синюю рясу. Он опирался на посох, целиком отлитый из «небесного» металла, синее све-

чение которого было еще не заметно, так как в помещении было пока что довольно светло. Неподалеку стояли командующий Итарским гарнизоном сир Моррис Хант и архикапиллан Ордена паладинов – лорд Блэклер Карс, которые вдвоём обсуждали небольшой пергамент, разложенный на столике из красного дерева.

Внутри зала на резных кушетках, посреди мягких подушек, сидели две дочери короля. Младшая – четырнадцатилетняя, худенькая Фэйла с каштановыми волосами и большими голубыми глазами и старшая – пятнадцатилетняя Жаннет, с довольно пышными для ее возраста формами, белоснежной кожей, более тёмными волосами и такими же голубыми, как два горных озера, глазами. Они ели дольки груш и яблок и с интересом рассматривали зал, куда их обычно никогда не приглашали до этого. За огромным овальным столом из мрамора вели беседу десница короля и старый друг Мирстана, лорд Георг Лендонский, лорды Оллонд Пайт и Деллан Саз, мастер над земледелием и адмирал Итарского объединённого флота.

Возле огромной карты всего известного мира, называемым Валантаром, изображенной на северной стене, стояли четыре генерала армии Итара. Они что-то весело и громко обсуждали, всё время указывая пальцами в сторону севера. То, что все генералы итарской армии присутствуют на совете, укрепило подозрения старого рыцаря о готовящейся войне. Осталось лишь выяснить, против кого...

Мирстан склонился перед принцессами и занял привычное место, левее от резного стула короля. Громкий смех генералов прервал грохот распахнувшихся дверей, и в зал вошёл молодой принц Филипп в сопровождении четырех своих гвардейцев, все не с Итара, хоть и носили форму королевской стражи. За молодым наследником шёл его личный защитник, и командующий гвардией сир Олос Трант.

Молодой восемнадцатилетний принц был худым и довольно высоким. Ему достался отцовский большой нос и голубые глаза матери. Чёрные кудри отливали в вечернем солнце медью. На нем был тёмно-синий камзол, украшенный вышивкой из голубых лунных камней и серебряной нити, надетый поверх фиолетовой шелковой рубахи. При себе он носил короткий меч сделанным из «небесного» металла и огромным сапфиром на конце рукояти размером с куриное яйцо. На памяти Мирстана он никогда не обнажал клинок. Да и сам по себе, ещё даже в детстве как ни старался король, он не смог привить своему сыну ни любовь к фехтованию, ни интерес к военному делу. Филипп предпочитал читать старые рукописи об осадах городов, походах и о битвах богов, редких растениях и насекомых. Любую книгу он предпочитал физическим занятиям или практике военного ремесла.

Молодой принц уверенными шагами прошёл к королевскому креслу и сел в него. Все остальные опустили головы в знак почтения и спешили занять свои места. По знаку сира Олоса двое гвардейцев встали у входной двери, а два остав-

шихся заняли места по бокам огромной карты. Сам же командующий гвардией принца молча занял место по правую руку от Филиппа, уставившись серыми глазами в сторону входной двери, будто ожидая прибытия ещё кого-то.

Статный рыцарь, о котором было практически ничего не известно. Он обладал особой, мужской красотой, от которой девушки теряли головы. Его тёмные каштановые волосы были коротко подстрижены, а по бокам почти полностью выбриты. Квадратную челюсть покрывала небольшая щетина, прибавляя ему несколько лет, хотя он был еще не стар. Сира Олоса можно было назвать истинным красавцем, если бы не пару небольших старых шрамов на лице, обветренная кожа и небольшие морщинки чуть выше носа и краях глаз. Взор его серых глаз вводил в ступор всех, кто попал под него. Кожа его была смуглая, поговаривают, что родом он был из северной части Элланской империи и до сих пор плохо разговаривал на «общем». Все, кто хоть как-то участвовал в охране молодого принца были бессемейными иностранцами и лично отобраны им в многочисленных поездках и путешествиях.

«Это второй раз, когда я возглавляю совет, вместо своего отца...», – начал Филипп, – «отныне мы будем собираться каждый день, у нас огромное количество дел и проблем, которые нужно обсудить и принять верные для государства решения. Начнем с главного: лорд Тит, как проходят приготовления к отплытию в Шанол?»

«Все готово, мой принц, галера «Громовержец» может отплыть уже завтра утром, но тогда меня не будет на церемонии вашего коронования», – кивая, произнёс главный казначей».

«Ничего страшного, ваше задание слишком важно, его не стоит откладывать ни на день. Утром отплывайте на юг».

Принц Филипп держался гордо и смотрел на всех словно свысока.

«Как будет угодно, мой принц», – лорд Тит помрачнел словно туча».

Филипп перевел взгляд на генералов.

«Сир Тул Требий, как обстоят дела на западе?»

Уже в возрасте, в лёгких доспехах и богатых одеждах, генерал Тул Требий уже семь лет командует девятью западными легионами и отвечает за всё происходящее на границе Итара с Родосом. Он был широк в плечах, с очень худым лицом, впадины на щеках скрывала седая борода. Говорил он чётко и не спеша.

«Родос сейчас в срочном порядке наращивает мощь. Помимо внутренней мобилизации они снарядили два крупных отряда наёмников – «Месть принца Роннела» и «Щит великана». Они убеждены, что Аронский царь Фокл готовит вторжение в их государство. Пока мы не можем доказать правоту их опасений. Но даже при наихудшем раскладе, наши границы это никак не затронет».

«А что касается Волкара и передвижения Роя на дальнем

рубеже?»

«Волкар сейчас неспокоен, мой принц. По донесениям наших шпионов, западные границы Родоса и Арона всё так же терроризируют небольшие группы карнафагов. Но сейчас они стали нападать не десятками, как раньше, а численность их стай стало достигать сотни голов. Да и на развалинах Вест-торна заметили крупные силы Роя. На удивление, форпост Грозный всё ещё отражает нападения. Их гарнизон слаб, по нашим сведениям, их силы составляют около четырех сотен пехоты, большая часть из которых – молодые новобранцы, ни разу до этого не видевшие тварей Великого роя».

В просторном зале повисла тишина. Люди и без того встревоженные, после доклада об жестоких созданиях и вообще помрачнели. Тишину нарушил принц: – «А как обстоят дела на юге, сир Доран Нолл?»

Генерал Доран Нолл – самый молодой из четырех командующих армиями. Последний указ, который издал король, был как раз о назначении его на этот пост. Под началом генерала находится четыре легиона, половина из которых – молодые новобранцы.

Откашлявшись, он хриплым голосом произнёс: – «Андоран сейчас бурлит от внутренних интриг, как вы уже все знаете, в данный момент там сменился король. Поговаривают, что младший брат Минарах Второй отравил своего старшего брата, Жозефа Четвёртого, и взошёл на трон. Нет прямых доказательств этого, кроме очень скорой смерти недавно со-

вершенно здорового короля. Сейчас Минарах пытается покорить беспокойные племена Арунов на юге своей страны, восставшие против него. На внутреннюю войну в пустыне уходит много сил и ресурсов. По последним данным, у Андорана примерно двадцать тысяч пехоты, о конных отрядах данные противоречат друг другу, мы работаем над этим».

«Хорошо, а что на востоке?», – Филипп перевел свой взгляд на седого, но все еще крепкого телом рыцаря».

Больших размеров, в тяжелых латных доспехах, уже в возрасте генерал Парт Коррэн, давний и хороший друг Мирстана, прокашлялся и своим басистым голосом создал эхо в зале.

«Озарат сейчас борется с последствиями мощнейшего цунами, обрушившегося на их восточные города около полумесяца назад. Большинство урожая погибло, поэтому они были вынуждены закупать намного больше зерна у Элланской империи, чем и вызвали повышение цен. В регулярной армии всё так же числятся пятнадцать тысяч копейщиков, и около десяти тысяч всадников случае мобилизации смогут собрать не больше тридцати пяти тысяч копий».

«Остался север, сир Утер Глант».

Самый старый и опытный из всех четырёх генералов. Его лицо было сильно обветрено, нос был большим и приплюснутым на самом кончике. Седые волосы на голове были коротко пострижены. Человек, который не по слухам знает, что такое север. Его предок – выходец из Роррена, который по-

сле поражения у деревушки Речная, больше семи столетий назад, не стал возвращаться домой, а осел в Итаре, впоследствии прославившись в военном искусстве и дослужившись до высокого звания.

«На севере сейчас начало зимы. Дендор оставил все попытки объединения всего севера и занимается внутренними проблемами. Народ поговаривает, что их король до сих пор сломлен после потери дочери, его разум затуманен горем, всюду видит предателей и готовящиеся заговоры. Его наследник, третий сын Роланд, неумело ведёт войну, начатую еще летом, в тяжелых погодных условиях в Дероре, командуя оставшимся в его подчинении одним неполным легионом тяжёлой пехоты латников. Почти все силы центрального севера сейчас укрыты за стенами Эбора. А это значит, что до начала весны особо крупных сражений или походов, скорее всего, не предвидится. Что касается остальных княжеств Рухельм и Роррен – все сидят в своих фортах и крепостях, прячась от морозов. В Норсене появился новый правитель – Харт Рыжебородый. Он утопил в крови весь восток, вырезав всех ярлов и захватив их вотчины, но запад государства до сих пор не покорен. Разрозненные дикие племена продолжают нападать на граничащие с Норсеном деревни Рухельма, Дендора и Роррена. Они грабят и насилуют всех, до кого могут добраться, но на открытые столкновения не выходят, прячась в заснеженных лесах и склонах гор...»

«Зачем мы здесь, Филипп? Мне скучно...» – Вдруг вы-

молвила Фэйла, — «в это время у меня обычно уроки танцев».

Жаннет кивнула, посмотрев на младшую сестру. Все сразу же замолчали.

Филипп, выждав паузу, продолжил: — «я хотел оставить это напоследок, но так уж и быть скажу сейчас. Я позвал вас сюда, любимые мои сёстры, чтобы вы узнали это лично от меня. Прошу тебя, Жаннет, отнестись к этому с пониманием. Тебе уже пятнадцать, я намерен отдать тебя замуж за аронского царя Фокла Первого.

Жаннет быстро соскочила с кушетки и открыла рот от удивления и шока.

«Отец слишком долго отклонял все предложения», — продолжал спокойным голосом Филипп, — «гонiec с ответом прибыл вчера, Фокл дал согласие. К концу этой недели ты отправишься в Арон».

«Чтоо, к этому варвару!? Они же там все дикари! Говорят, они даже дома с оружием спят! И держат в клетках этих зубастых тварей!»

Жаннет покраснела, гнев делал её ещё прекрасней.

Следом вскочила Фэйла.

«Я не останусь тут одна! Филипп, умоляю, не делай этого!»

«Она сделает то, что скажет ей король! Сядь на место, Фэйла. У царя Фокла двадцать шесть легионов отборной аронской пехоты. Брак с ним даст нам огромное преиму-

щество. Вместе мы разгромим Родос за полгода. А так как обычно в Ароне цари долго не живут и погибают в бесчисленных сражениях, то сын от Жаннет, которого она ему родит, будет править Ароном и в будущем станет верным союзником Итару. За время своего правления я планирую объединить весь Кропос под единым знаменем и единым королём».

Всех шокировало такое заявление, ненадолго повисла тишина.

Жаннет расплакалась и молча выбежала из зала. Казалось, что, если бы стражники ещё на мгновение опоздали с открытием дверей, она вышибла бы их на бегу. На глазах Фэйлы тоже появились слезы.

«Отец не допустит этого! Я не узнаю тебя, брат!»

Она гневно осмотрела всех присутствующих, словно искав в их взгляде поддержку своих слов, но большинство были шокированы не меньше её, такими заявлениями и сейчас, в большей своей степени, смотрели озадачено вниз на мраморный стол или свои колени. Не дождавшись и слова поддержки, Фэйла без разрешения покинула зал и поспешила за старшей сестрой. Стража с грохотом закрыла за ними двери.

Снова повисла тишина. Принц первый нарушил её.

«Сир Мирстан».

Старый рыцарь не сразу поверил своим ушам, что принц назвал его имя. Слегка смутившись своей нерасторопностью, он сделал пару шагов вперёд и встал на колени.

«Повинуюсь, мой принц».

«После завтрашней коронации я намерен снять вас с должности командующего королевской стражи. Вы лично отберёте отряд сопровождения и отправитесь в Арон вместе с Жаннет, мне будет гораздо спокойнее, если её будет оберегать такой опытный и храбрый рыцарь, как вы».

В голове сразу же всплыл последний приказ короля.

«Как вам будет угодно, мой принц», – рыцарь встал и сделал несколько шагов назад».

Мирстан никогда не был в Ароне. На спине выступил пот, по телу пробежала дрожь. Странно почему, может, от прохладного вечернего ветра из больших окон? Ему всегда было интересно, правда ли всё то, что рассказывают гонцы и торговцы, побывавшие там. Но, по ощущениям, привыкать к их культуре и традициям придется очень долго...

«Лорд Оллонд Пайт, как обстоят дела с запасами продовольствия в государстве, Итар готов к зиме?», – повернувшись на стуле всем телом, спросил Филипп».

Пухлый, низенький мастер над земледелием был, очевидно, шокирован происходящим и сначала даже растерялся, но потом тихим заикающимся голосом ответил: – «п-по вашим указам мы начали раньше подготовку к сбору ур-урожая. По воле богов, лето было тёплое и с обильными дождями. Почти все кладовые заполнены, если поставки з-зерна не прекратятся ещё хотя бы с месяц, то провианта должно хватить на два года, даже, если всё государство вообще перестанет

собирать урожай», – он достал шелковый платочек и протёр вспотевший лоб».

«Мой принц, всё, что тут было сказано, мягко говоря, нарушит спокойствие всего Кропоса. Вы уверены, что стоит развязывать войну? Ваш отец с таким трудом подарил нам десятки спокойных лет, люди уже привыкли к мирной жизни», – задумчиво произнёс десница, смотря на молодого Филиппа с явным удивлением».

«Я бы и рад дальше поддерживать мир и спокойствие во всём Кропосе, но боюсь, что выбора и особенно времени у нас не осталось, милорды...», – Филипп встревожено, беглым взглядом посмотрел на архиепископа, а затем на архикапиллана Ордена паладинов лорда Блэклера Карса».

«Время уже упущено... Я как мог подготавливал государство к грядущей войне, но боюсь, что многое ещё не успел сделать на должном уровне. На данный момент во всём Кропосе только мы и Элланская империя уже готовы к зиме. А поскольку южная империя вряд ли станет участвовать в грядущих боевых действиях, то у нас появилась небольшое преимущество во времени, перед нашими врагами. Мы уже можем позволить себе кинуть все свои средства и ресурсы на подготовку к военной компании весной. Остальные же государства ещё полностью не успели закупить или собрать продовольствие на зиму. Они будут вынуждены тратить своё время и деньги на подготовку к зимнему периоду, планируя свои бюджеты до весны, а когда она наступит, они будут не

готовы... Мы обладаем третьей по мощи армией в Кропосе, вместе с пехотой Арона ни одно государство не сможет устоять против нашего совместного натиска. После разгрома Родоса наступит черёд Андорана. С Элланской империей война будет кровопролитна и бессмысленна, поэтому я планирую вступить в союз, заключив брак между царем Улан-Таром и моей младшей сестрой Фэйлой, которая к тому времени уже расцветёт. Разобраться с Озаратом не составит никакого труда, я вообще сомневаюсь, что война будет. Они пойдут на наши условия, или же я сотру их государство с карты Кропоса. Затем, если всё пройдёт удачно, мы одной большой армией вторгнемся в Волкар и навсегда очистим весь запад от орд Великого роя, которые как я слышал из донесений, ещё и между собой воюют без своих господ. Сила этих тварей заключалась в численности и единстве, а оставшись без своих повелителей, они из угрозы человечеству превратились в разрозненные стаи диких существ».

Голос принца звучал убедительно, будто он уже это сделал.

Генерал Тул Требий гулко расхохотался.

«Не знаю, как вам, милорды, но мне определенно нравится этот план. По-моему, должно сработать. Единое войско, как при славном вашем предке, Элвине Храбром», – возвышено произнёс он».

«Да, только теперь пойдет оно в бой под единым знаменем, «падающего» с небес бога из Звёздного легиона на пол-

ной луне», – уверенным голосом закончил Филипп».

«И все мы помним, что случилось, когда люди выступили единым войском против пришельцев...», – настаивал десница короля, лорд Георг».

«О Кровавых богах не было слышно больше семисот лет, в настоящее время огромные территории никак не используются из-за угрозы Роя. Мы вообще не имеем представления, что происходит на западном побережье Волкара. К тому же, за Кровавыми богами пришли Звёздные легионы Детей Луны. И после их победы они поговорили с избранными из нас, дали всему человечеству знания и только потом вознеслись опять на небеса».

Филипп обвел взглядом каждого.

«Большинство этих знаний мы так и не поняли, образовавшаяся тогда церковь Несущих слово до сих пор не может перевести их полностью», – десница поёрзал на месте, ему явно было тяжело сидеть так долго».

Архиепископом Несущих слово, Иоанн Глант откашлялся прежде чем заговорить: – «Перевод древних свитков, написанных Высшим языком Детей Луны занимает колоссальное количество времени и сил, это титанический труд, масштабы которого вы даже представить себе не можете. Но даже те мелкие крупинцы знаний, что удалось нам из них извлечь представляют для всего человечества исключительную ценность...»

«Благодаря этим знаниям человечество научились лечить

«черную смерть» и несколько других неизлечимых болезней. Открыли для себя новые сплавы металлов и способ как обрабатывать «небесный» металл, а в основном вы правы, кроме небольших мелочей в виде стеклянных свечей, которые никогда не гаснут, и о принципе работы которых даже сами Несущие слово не догадываются до сих пор, ничего не изменилось. Но рано или поздно они смогут расшифровать до конца свои свитки, но уже сейчас с некоторых небольших частей переведённых рукописей, мы уже получили очень ценные и тревожные данные», – молодой принц перебил медленно и монотонно говорящего архиепископа».

Филипп встал из-за стола и подошёл к окну. Всматриваясь вдаль серых вод залива, он продолжил: – «мы можем часами обсуждать несуществующую угрозу от Кровавых богов и спорить о том, заступится ли Звёздный легион снова и прождать ещё семьсот лет. Но так ничего не изменится. Я объединю Кропос с Волкаром или же умру человеком, попытавшимся это сделать. Лорд Георг Лендонский, после коронации я намерен оставить вас своим десницей. Вы достойно помогали моему отцу нести это тяжелое бремя власти и давали мудрые советы. Сегодня вечером я жду вас у себя в Восточной башне, нужно ещё многое обсудить. Монахи из Одинокой цитадели говорят, что зима начнется чуть раньше, чем обычно, но сильных морозов не предвидеться. Вся её ярость досталась северу».

Генерал Парт Коррэн прочистил горло и задал вопрос: –

«с Кропосом и Волкаром всё понятно, а что касается севера? Восточных островов Цветов? Вы и их планируете объединить под одним знаменем?»

Филипп развернулся и посмотрел на карту, положив левую руку на рукоять меча. Эфес из «небесного» металла стал уже заметно издавать свечение к вечеру, заставляя сапфир на его вершине вспыхивать яркими переливами.

«Север огромен, но он раздроблен. Он никуда не денется. У меня нет в планах вести войну с ним, ещё ни одна армия не смогла захватить Эбор. Но я считаю, что это всё-таки возможно...»

Он опять вернулся за стол

«Посмотрим, что покажет эта кампания, тогда уже и будем строить планы. А что касается восточных островов...»

БОООООМ...БОООООМ...БОООООМ...

По всем залам прокатилось эхо от главного колокола Великого звёздного собора. Филипп замолчал. Послышался хлопот крыльев испуганных голубей.

БОООООМ...БОООООМ...

Звук от удара в колокол не прекращался.

Молодой принц резко встал и быстрыми шагами удалился к выходу, сопровождаемый солдатами из личной гвардии. Лорды молча переглянулись и следом направились за ним. Никто не проронил ни слова, но всем было уже очевидно: король умер.

Глава четвертая.

«Хранитель»

*«...своей службой посвящая свою жизнь северу,
клянусь хранить мир и спокойствие на просторах его.*

*Соблюдать обеды, чтить традиции и оберегать границы
его заснеженные.*

*Да одарят меня мудростью и справедливостью «старые»
боги,*

*и помогут сокрушить врагов моих под взором «новых»
...», из кодекса Ордена хранителей севера.*

Было откровенно неохота вылезать из тёплой кровати. Донвур словно не почувствовал, что спал, казалось, он всего на минутку закрыл глаза и уже услышал топот с лестницы. Но сон всё равно отшибло, новости скверные, если это окажется монах, с кем он должен был увидеться, то его задача сильно усложнится, да и сам магистр будет явно не в восторге.

Одевая на себя свою броню, Донвур заметил, что его накидки с символикой хранителей севера до сих пор ещё нет. Зашнуровав все кожаные ремни и перекинув щит через пле-

что, он вышел из комнаты, еле протиснувшись через довольно узкую дверь. Ещё на лестничном пролете он услышал громкие голоса и мужской смех. Спускаясь по лестнице, он буквально наткнулся на бегущего навстречу хозяина. Он был весь покрасневший и взъерошенный.

«Умоляю, сир, ради «старых» богов и «новых», помогите, они пришли под утро и домогаются до моей дочки, ей всего тринадцать...», – тихим голосом словно прошипел хозяин таверны».

Донвур нахмурился, левой рукой отпихнул хозяина в бок, и дальше зашагал вниз. Деревянная лестница неприятно поскрипывала под тяжелыми шагами хранителя, хозяин помещения держался сзади, следуя за ним мелкими шажочками. В зале чувствовался неприятный запах от хмеля, гари и рвотных масс. Дым от тлеющих дров в камине, заставил воздух, словно загустеть в просторном помещении.

У замерзшего окна, недалеко от входных дверей сидели трое северян, они ели мясо, запивали все это тёмным элем, у одного из них сидела молодая курносая девушка. Она пыталась высвободиться, но всё было тщетно, толстый бородатый северянин постоянно возвращал её назад к себе на колени рукой, не стесняясь запускать свободную руку под подол платья девушки. Он был единственный в ржавой кольчуге, остальные же были в старых поношенных кожаных доспехах, надетых на грязные меховые полушубки с капюшонами. При виде Донвура и хозяина постоялого двора, стоя-

щего за ним, смех прекратился. Девушка, воспользовавшись замешательством, вырвалась из рук северянина и рванула на второй этаж вся в слезах. Бородатый выругался, тощий, сидевший рядом, загоготал словно гусь. У двоих были щиты с эмблемами великана ломающего дерево, если Донвур не ошибался, то они принадлежали к племени Моркурнов, что живут почти на самой границе Норсена и Роррена и не признают ни одного ярла, хотя раньше были знаменосцами дома Сардаров, что из восточного Роррена, ещё до распада севера.

Пройдя на середину зала, хранитель скинул щит с плеча и поставил его перед собой, опершись на него руками. Бородатый сначала уставился на выцветшую эмблему на большом щите, затем встал, вслед за ними повставали и остальные двое. В воздухе повисла тишина и напряжение.

«Что тебе надо, странник?» – спустя короткую паузу спросил северянин в ржавой, порванной местами кольчуге, она когда-то принадлежала не ему, так как на его большом животе, кольчуга доходила только до пупка».

«У тебя слишком наглый взгляд. Не выколоть ли мне твои глазки?» – «Бородатый вытащил небольшой топор из-за пояса, на черенке топора виднелись древние руны и засечки, много засечек».

«Ей всего тринадцать, – спокойным голосом ответил Донвур, даже несмотря на своего собеседника».

«Этой мелкой суке? А титьки уже большие, как у моей второй жены!» – все трое загоготали».

«Иди куда шёл, иначе я сделаю ожерелье из твоих зубов», – договорив, северянин отпил из своей кружки, по грязной и запутанной бороде потёк тёмный напиток, попав на без того ржавую кольчугу».

Донвур выпрямился. Он и так отличался большим ростом, но в своих доспехах и мехах казался совсем великаном. Он был выше каждого из них на добрую голову. Сзади слышались шаги, и в зал с кухни вбежал маленький мальчик, тот самый который ещё вчера вечером приносил еду, он замешкался на мгновение при виде новых посетителей, но всё равно подошёл к Донвуру. В руках у него была белоснежная материя. Он молча протянул ему накидку и со страхом в глазах посмотрел на хранителя. Донвур улыбнулся ему, затем потрепал за волосы на голове, оперев свой щит на левую ногу, и отстегнув меховой плащ, накинул уже белоснежно белую накидку с вышитым на ней гербом Ордена хранителя севера: золотое большое око, со скрещенными мечами за ним, и тихим, сдержанным голосом заговорил: «всякий, кто посмеет угрожать хранителю севера и препятствовать правосудию, будет лишен жизни, третий год от вторжения богов, Гимдур Второй, из указа короля Эбора...»

Донвур поднял щит, просунул руки в кожаные ремни и снова поболтал им, убедившись, что он держится удобно. Уже более громким голосом продолжил: «Орден хранителей севера чтит старые законы Эбора, и внутренний кодекс, по которому я имею право привести приговор в исполнение».

Послышался шелест стали от извлекаемого из-за спины полуторного меча. смертельно наточенное лезвие сверкнуло в тусклых лучах пробивающегося из-за замерзших окон солнца. Все трое северян уставились на огромный полуторный меч, с лезвием шириной с ладошку.

«Я спрошу вас единственный раз, кто вы?» – Донвур сделал паузу, осматривая «тяжёлым» взглядом каждого из них по очереди, – «путники, что пришли подобра согреться у очага в холодную ночь или грабители и насильники, что нарушают спокойствие и так истерзанного войной севера?»

В комнате повисла тишина.

«Гарт, он, правда, хранитель, за убийство хранителя в Роррене отрубают руки... Это не стоит того, уходим», – подал голос тощий, держащий руку на рукояти короткого меча».

Бородатый с топором сверлил взглядом Донвура. Его глаза «бегали», будто искали слабые места на доспехах хранителя.

«А он дело говорит, Гарт, пойдем», – подал голос третий, явно уже перепив лишнего, он еле стоял, постоянно соскальзывая вниз, по кривому древку своего копья».

Северянин, словно проглотив свою гордость, спрятал топор за пояс и произнес на древнем наречии: – «*ишь ар гур шорт хол лорн кар дэрак*».

Донвур хорошо знал древний рунный язык своих великих предков, бородатый сказал немного неверно, но смысл хра-

нитель понял: «проклятие до третьего колена тому, кто обнажил свой меч на хозяина, впустившего согреться в мороз».

Он допил свой эль, поставил кружку на стол и громко отрыгнулся. Достав из-за пазухи трёх лучевую медную снежинку, бросил её на стол и зашагал к выходу. Его друзья, попрятав оружие, ушли следом, прихватив с собой оставшийся на столе хлеб.

Хозяин таверны сразу же бросился благодарить хранителя. Затем сбежав на кухню, принёс немного сыра и одну связку колбас. От еды Донвур отказываться не стал, его запасы и так были очень скудны, а питаться столько дней одной кониной ему уже надоело. У него не было с собой лука, чтобы подстрелить лесного зверя или хотя бы куропатку в дороге, силки тоже не давали результатов. Дичь вся попряталась от морозов.

«Спасибо вам! Спасибо большое! В эти беспокойные времена можно положиться только на хранителей. Мой отец всегда говорил, что ваш Орден не бросает в беде простой люд. Может, вы останетесь, хотя бы ещё на пару дней?» – хозяин помещения был явно под потрясением, и слишком эмоционально жестикулировал руками».

«Боюсь, что нет, нужно будет найти тело Несущего слово, я не могу долго задерживаться на одном месте», – Донвур поднял с пола свой тяжёлый плащ и застегнул его».

«Конечно, конечно, но будете в наших краях обязательно заходите, двери моего дома всегда открыты для членов ва-

шего ордена».

Хозяин осыпал хранителя благодарностями до самого выхода, напоследок крикнув ему, что он может всегда рассчитывать на бесплатную койку в его доме и лучшее место у очага.

Когда Донвур вышел на улицу, в его грудь ударил свежий воздух, утро было морозное, но не такое холодное, как обычно. Впервые за долгое время он смог нормально отдохнуть и восстановить силы. Дорогу немного перемело снегом, но идти было всё равно намного удобнее, чем в поле. Снег слепил глаза искря на солнце, ветром в лицо заносило одинокие снежинки, которые попадали на седую, короткую бороду и медленно таяли от дыхания. Солнце приятно нагрело спину, стало даже немного душно, пришлось скинуть капюшон. Деревня казалась совершенно пустой и заброшенной, по неровным улочкам бегали псы, некоторые дома покосились и были погребены под снег уже наполовину, скорее всего там никого и нет. В зиму люди стараются уйти со всеми своими пожитками в крупные города, где зимой можно найти работу и места где согреться. Счастливчики доходят до Эбора, где в северной части города есть зимние залы, способные вместить одновременно до несколько тысяч людей, но большинство не успевает пройти столь далекий путь и замерзают на Ледяной пустоши... Около сорока километров тундры, без единого дерева или крупного камня, и ветер, столь свирепый и холодный, что сносит человека с ног.

Наконец, выйдя за пределы деревни, Донвур решил срезать путь по льду замерзшей реки. Снега там было в разы меньше, да и берега укрывали от северного ветра. Приятно было идти по твердой поверхности, лишенной всяких холмов и подъёмов. Так он сэкономил немного времени на дорогу, но всё равно пока, он увидел одинокую крытую повозку, прошло уже добрая четверть дня.

Она одиноко стояла на изгибе дороги уходившей на юго-восток, с севера был заросший елями холм, а с запада глубокая канава, в чём-то идеальное место для засады. Лошадей не было, возле повозки под ногами раздался треск. Припорошенная снегом кровь издавала неприятные звуки, будто ещё секунду и ты провалишься под лёд. Не так далеко лежал труп кучера с отрубленной головой. Её забрали с собой. Характерный поступок, для воина из племен Тэктов, по жуткому обычаю которых, когда юноша первый раз убивает, он должен отрезать голову своему врагу и сохранить его череп в своем жилище...

Внутри повозки Донвур нашёл тело худого пожилого монаха, который держал руку на животе, прикрывая свою колотую рану, небольшую, по-видимому, от кинжала или копья. Глаза были широко открыты и смотрели в сторону хранителя, будто Несущий слово ждал его. Так он и замёрз... С него сорвали медальон, выплавленный из «небесного» металла, которые носят все монахи этой церкви. Что собственно неудивительно: перепродав его, грабители смогут непло-

хо заработать, даже на столь малой частичке металла. Встречались и такие, которые только этим и занимались, постоянно нападая на мирных монахов, убивая и забирая священные для них медальоны. Три года назад Донвур сам лично принимал участие в охоте за бандитами возле Медвежьего озера, что в Дероре, четверым пойманным залили расплавленный металл в горло, хранители всегда жестоко расправлялись с теми, кто посягнул на жизнь священнослужителей, не зависимо, каким богам они служат...

Большинство грабителей даже не догадывались, что в рукавах рясы монахов Несущих слово есть потайные карманы, для всяких снадобий и писем. Вот и в этом случае получилось также, прощупав рукава, Донвур достал оттуда два пустых маленьких стеклянных сосуда, небольшие свитки с чистой бумагой для писем и кусочек пергамента, на котором было написано древними рунами красивым почерком:

«Хранитель, если ты это читаешь, то, скорее всего я мёртв, да упокоят мою душу Дети Луны. И я надеюсь, что люди совершившие такое зло не догадаются об этих потайных карманах. То, о чём я должен был тебе сказать, нельзя было отправить вороном, либо кем-то ещё, ты должен был узнать это лично от меня. Магистр Пэграт заверял меня, что ты проверенный человек и поступки твои всегда справедливы, поэтому закончи начатое... Тебе нужно будет

прийти в Небесную обитель, что на горе Гордорат, епископ Иллинар лично введёт тебя в курс дела, поторопись, надвигающаяся угроза затронет не только север...»

Небесная обитель, что на Гордорате находится в западной части Роррена, дорога туда, если погода не будет мешать, займет минимум две недели. Донвуру приходилось быть в тех краях и издалека видеть обитель, местность там сильно холмистая, кругом много скал, оврагов и перевалов. Нужно отправляться в путь как можно быстрее.

Донвур затащил тело кучера в карету, насобирав поблизости сухой травы торчавшей из-под снега и поджёг её с помощью кремния и огнива. От горящей кареты повалил чёрный дым, запах жженных волос заставил, поморщится хранителя. Он хотел прочесть молитвы за упокой души, но в голову ничего не проходило подходящего, а произносить древние рунические молитвы для монаха, который поклоняется «новым» богам, казалось ему неуместным в данной ситуации. Постояв несколько минут, он зашагал на юго-запад, не оглядываясь.

Почти до самого вечера он брёл по дороге, которая местами тонула в снегу. Когда на небе уже стали появляться первые звёзды, перед Донвуром предстал хвойный лес. Дорога дальше уходила на восток, поэтому хранителю пришлось срезать путь под сводами гигантский сосен. Идти в нём бы-

ло не так удобно, как по наезженной дороге, да и в сугробах коварно прятались старые, упавшие ветки, из-за которых он несколько раз чуть не рухнул лицом в снег. С наступлением вечера мороз усиливался. Послышался далёкий вой волков. Проходив с час в поисках подходящего места, хранитель увидел сломанную ель, место перелома всё ещё цеплялось за пень. Нарезав охапку хвойных веток кинжалом, он выложил ими основание под стволом, с боков пошли уже более толстые ветки, нарубленные мечом. Получился шалаш, в который Донвур помещался полностью, внутри было хоть не так просторно, зато довольно уютно и намного теплее, чем под пронизывающим северным ветром снаружи. Сухие, смолистые веточки погибшего дерева хорошо пошли на растопку костра, перед жилищем. Пламя быстро согрело уже окоченевшие пальцы. Насаженная на тонкую веточку колбаса приятно пахла мясом. В животе уже урчало, пока сосиска подогревалась на костре, в дело пошёл сыр, он замёрз, поэтому его буквально пришлось грызть, терпя ноющую боль в зубах от холода.

В лесу, в проблесках больших крон хвойных деревьев, под невероятно чистым и звёздным северным небом аппетит был хороший. Из походной сумки Донвур достал небольшой мех с вином, который он сэкономил ещё с самого замка Обитель хранителей, пара глотков кроваво-красного, кислого вина согрело его изнутри.

Посидев ещё немного времени снаружи и по привычке

поточив свой меч и кинжал, Донвур накидал в костёр толстых сучьев и забрался внутрь шалаша, прикрыв вход пышной веткой. Под тресканье сухих дров с костра и приятного хвойного запаха внутри, сон не заставил себя долго ждать...

Донвуру снова снилось его детство, Эбор, Ледяной собор жестоких северных богов, чьи образы увековечены в прозрачных глыбах льда, его старшие братья Пэлмонд, Тогруд, и Роланд и младшие сёстры Улла и Ярсана. Он скучал по ним, по своей матери, он не видел своих родных уже больше двенадцати лет, сейчас они его, скорее всего не узнают, если увидят. Столько времени уже прошло с тех пор, как он последний раз бывал в Эборе, возможно судьба предоставит ему шанс ещё раз увидеть его тёмные крепостные стены из чёрного гранита и сверкающий Ледяной храм, чьи залы были сделаны из огромных глыб чистейшего льда, взятого с вечно замёрзшего озера Душ.

Утром Донвур проснулся от холода. Только начало светать, в лесу стояла какая-то дымка, все ветки покрыло слоем инея, лес был, словно весь во льду и сверкал от восходящего солнца. Стояла полная тишина. Не было уже слышно воя волков, или уханья пролетающих над кронами деревьев северных сов. Костёр уже давно погас, понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы разжечь его заново. Перекусив сухарями и сыром, и щедро запив это всё вскипячённой на костре водой с еловыми иголками, хранитель продолжил свой путь. Пройдя поперёк весь лес, Донвур вышел к холму,

который своим уклоном уходил на запад. Километров через пять появилась широкая река, если бы не высокие берега, то её можно было бы вообще не заметить, было затруднительно перебираться через противоположный берег, пришлось пройти с километр вниз, по течению, чтобы найти подходящее место для подъёма. Утро было намного холоднее чем вчерашнее, укутавшись как можно лучше во все меха, что были, хранитель брёл дальше, вспоминая разные ситуации из своего прошлого, прокручивая монологи в голове и решая, что нужно было по-другому сказать или сделать.

Спустя несколько часов в километре от него показалась лошадь, тянувшая за собой сани. Пришлось ускорить шаг, а местами, где позволял толстый слежавшийся снег, перейти на бег, чтобы сидящий на них старик смог заметить хранителя и остановиться. Пожилой мужчина, повернувшись всем телом, смотрел на стремительно приближавшегося Донвура, выжидая пока он подойдет достаточно близко, чтобы заговорить с ним.

«Добрейшего утречка, хранитель, странно видеть вас одного в этих пустынных местах».

Пожилого мужчину было почти не видно за мехами, в которых он был укутан, но рост у него был явно маленьким, он едва доходил Донвуру до груди.

«День-то добрый, да больно холодный, я держу свой путь на запад по поручению магистра Ордена, буду признателен за помощь, если подвезёте, сколько сможете», – словно вы-

давив из себя, произнёс Донвур, тяжело дышавшего после бега по рыхлому снегу».

«Боги явно на вашей стороне сир, стало быть и я в ту сторону путь свой держу, садитесь, подвезу копьё по пути нам. Да и как я могу отказать, единственным, кто ещё защищает обычный люд от разбойников и убийц, север уже давно не тот, что при «едином» короле...», – сказал старик, будто ещё сам лично застал те времена».

«Зрение у меня не то что в юности, но вашу белую накидку с «золотом» я с далека уже приметил. Если не секрет, что забыли на западе, в тамошних местах нет ни городов, ни крупных селений, да и места там опасные даже летом, не то что зимой?» – Кучер подвинулся, уступив немного нагретого места».

Донвур кивнул в знак согласия и уселся на оленью шкуру, сложенную в несколько слоев. Худая лошадь фыркнула, словно недовольная новому весу. Они тронулись в путь.

«Мой путь лежит в Небесную обитель, что на Гордорате, мне нужно встретиться лично с епископом», – хранитель укутался в своё меховое плаще по самые глаза».

«В Небесную обитель? Ого... Далековато будет... Я слышал, тамошние монахи заперлись за своими стенами и никуда не выходят. Поговаривают: что нападения на монахов их церкви сильно участились. Все ярлы и даже король попрятались в своих замках от морозов, патрули стали делать реже обходы, разбойников развелось, что волков – тьма, а ваш

Орден, только не берите близко к сердцу, не справляется... Вас, стало слишком мало, на такой огромный север», – старик немного шепелявил из-за отсутствия половины зубов».

«Хранителей стало меньше, только из-за того, что другие правители не хотят чтить старые традиции и отправлять своих сыновей выполнять свой долг перед севером. Только в Дендоре, до сих пор соблюдается обычай, остальные же по своему усмотрению. Наши ряды уменьшаются... В некоторые области нам просто нет дороги, так как нас объявляют там преступниками и людьми, пытающимися вернуть старые устои и «единого» короля».

Старик улыбнулся, поёрзал на месте и спросил: – «а разве это не так?»

«Орден не стремится объединить север, мы просто стараемся поддержать шаткий мир, что установился за семьсот лет, и не допустить гражданской войны снова. Но не все это понимают... Даже Эбор перестал нас полностью финансировать, как в былые времена, мы вынуждены иногда выполнять задания по найму, сопровождать обозы с самоцветами, провести кого-нибудь через горы или леса, сами себе зарабатываем на жизнь, как можем. Даже оружие сейчас не выдается, я до сих пор хожу в доспехах, в которых вступил еще мальчишкой в Орден, или в тех что сам потом купил, да и не сниму уже их, привык... Честно говоря, некоторые магистры из совета погрязли в алчности и личных мотивах... Сейчас у хранителей тяжелые времена, и мы рады,

когда такие доброжелатели, как вы, помогают нам в нашей нелегкой службе», – Донвур находил, что-то приятное в общении с добродушным стариком».

«Всегда, пожалуйста, знаете, моему деду хранители жизнь спасли, так что я можно сказать в неоплатном долгу перед вашим Орденом», – старик слегка привстал на месте, подстегнул лошадь, она снова недовольно фыркнула и лениво перешла на бег».

Ветер усиливался, скоро должна начаться метель.

«А вы куда путь держите?» – хранителю было важно, сколько времени ему удастся сэкономить, и на сколько совпадают их дороги».

«Я еду домой в Холмогорье, ездил в таверну, что в Синем доле, продал тамошнему хозяину мёд, да купил кое-каких припасов на зиму и овса лошади», – повернувшись он похлопал по плотно набитым мешкам».

«Придётся делать привал, если выюга усилится...» – Донвур заметил приближающееся с севера снежное облако».

«Лошадка, прыткий мой, может замерзнуть, если остановится, до деревушки осталось не так много, к середине ночи должны будем добраться, если Куннгор будет благосклонен... (Куннгор – главный древний северный бог смерти и хлада). У меня хоть и нет свободной комнаты, но тёплое место найдётся, если хотите, можете переночевать, и утром продолжить свой путь».

«Премного благодарен».

Лицо неприятно пощипывало от холодного ветра, но всё равно хранитель мысленно благодарил богов за такое везенье в виде гостеприимного старика на санях. Кто знает где могла застать его буря, и было бы в том месте надёжное укрытие.

Они проговорили по дороге пару часов без остановки, потом Донвур укачало, и он заснул под неровный бег лошади. Его разбудил сам старик, когда они уже стояли возле довольно большого дома из мощных брёвен толщиной с туловище человека. Хранитель помог высвободить лошадь от креплений телеги и загнать её в небольшую, покосившуюся от времени конюшню, пристроенную к дому, и они вместе зашли в дом. Внутри их ждала престарелая жена хозяина, которая вязала у лучины, подкинув дров в печь, она отварила картофеля и репу, Донвур достал несколько колбас, и они вместе отужинали, всё время, говоря о беспокойном севере и делясь последними новостями о Роррене, Норсене и Дендоре. Внутри дом был намного меньше, чем казалось снаружи, в нём не было комнат или перегородок, только большая каменная печь, которая с лихвой прогревала всё помещение. От сушеных трав, висящих на стене и потолке, приятно пахло лугом, что заставило задуматься о коротком лете, и о тех моментах, когда можно было насладиться купанием в небольших прогретых солнцем озёрах.

После плотного ужина ему показали, где он будет спать, и Донвур, не тратя время на снятие доспехов, уволился на

соломенный тюфяк, что возле печи. Ему крупно повезло в такой мороз переночевать в тепле, да и он сэкономил кучу времени, проехав часть пути на телеге. Он сильно потел в своей тёплой вязаной кофте, но всё равно терпел, так как даже не хотел начинать долгий процесс снятия брони, тем более времени до рассвета оставалось не так много.

Утром они позавтракали жареным хлебом на сале с парным козьим молоком, оставив в знак благодарности пятилучевую медную монету, Донвур отправился дальше в путь. Дом старика был на самом краю деревни, которая была чуть больше предыдущей, но почти ничем не отличающейся, всё так же мало людей на улицах и одиноко бегающие собаки, одна, из которых увязалась за ним, молодой кобель, серой шестью на спине и черными пятнами на боках. Донвур пытался его отпугнуть, но собаку, похоже, манил запах из его сумки.

Оставив все попытки на уединение, он зашагал дальше на запад по склону холма. Местность была очень холмистая, по левую сторону уже виднелись Хорвудские горы, чуть дальше, словно в тумане возвышались склоны Андора, и его вечно укутанный облаками пик. Ветер начал усиливаться, поначалу он дул с севера, но потом начал менять свое направление и дуть с северо-запада на восток, прямо в лицо идущего Донвура. Кожа на лице вся покраснела и словно стянулась, холодные пальцы пронизывающего ветра пробирались сквозь все доспехи и меха и неприятно пощипывали. Про-

мучившись до середины дня Донвур остановился и осмотрелся, рядом не было никаких ориентиров, всё затянуло белоснежной пеленой, на ногах и руках уже не чувствовались пальцы, нужно было бросать эту бессмысленную борьбу со стихией и срочно согреться. Пес был того же мнения, усевшись рядом, он словно отказывался дальше идти и громко чихнул два раза. Вся его шерсть, особенно на морде, покрылась маленькими сосульками, он сильно дрожал от холода и очевидно от голода тоже.

Пройдя ещё немного, хранитель нашёл подходящий склон, который скрывал его от ветра и начал рыть твёрдый снег. Сначала ничего не выходило, замерзшими пальцами снег упорно не поддавался и не хотел ломаться, сняв рукавицы, в дело пошёл кинжал, вырезав, что-то на подобии входа и удалив снежную плиту, под ней оказался сыпучий снег, который без особых усилий удалялся наружу. Выкопав себе берлогу, хранитель забрался в неё и осмотрелся. Потолок получился низкий, но всё же это лучше, чем спать под угрозой, что всё обрушится.

Пес стоял снаружи, Донвур попытался позвать его внутрь, но всё было тщетно. Прождав несколько минут, хранитель завалил вход твёрдым куском снега, оставив небольшое отверстие для воздуха. Постепенно берлога нагрелась внутри, и тепло вернулось к конечностям, почти уже задремав, его разбудило скуление пса. Он просунул нос в отверстие и жалобно подвывал. Донвур улыбнулся, мороз сломит любое

животное, присев он начал откапывать вход, пёс активно помогал снаружи лапами, потом пролез внутрь, и уселся рядом, снова чихнув при этом. Опять завалив вход, Хранитель достал два сухаря, один сжевал сам, другой кинул собаке. Посидев и подумав о том, какое прозвище ему дать и не придумав ничего подходящего, он снова улегся и закрыл глаза. Спустя какое-то время почувствовалось тепло на ногах от собачьей шерсти. Пёс не спеша наступил сначала на одну его ногу, потом встал передними лапами, ожидая какой-то реакции, простояв немного, он запрыгнул полностью и свернулся калачиком. Сам не зная, почему Донвур лежал с закрытыми глазами боясь пошевелиться и спугнуть животное, и улыбался. Хотя это была просто обычная дворняга, но сразу стало как-то теплее и не так одиноко...

Почти уже засыпая, он выбрал все-таки кличку псу, «Великан», хорошее название для северной собаки, проживающей на территории когда-то водившихся здесь по преданию огромных созданий.

Когда он был маленький, его любимой сказкой была про короля великанов – Эбора Седобородого, которому бросил вызов Томвур Железные Кулаки. Эту сказку маленькому Донвуру рассказал его дядя Гэрланд, в ответ на вопрос, существовали ли великаны вообще. Он говорил, что это была чистая правда, что однажды, давным-давно, самый лучший рудокоп на севере Томвур Железные Кулаки, обошел весь север в поисках лучших жил золота и самоцветов. Он ору-

довал своей киркой так быстро, что где бы он ни начинал добычу, золотые жилы быстро кончались и ему приходилось искать новые копи. И однажды он узнал, что в самом центре севера есть горы, в которых скрыты несметное количество богатств.

Но добывать там никому не позволяли живущее на тех горах племя великанов. И тогда Томвур пошёл к ним и поговорил с их предводителем, самым старым великаном, Эбором Седобородым. Он заключил пари с их королем, что сможет быстрее него подняться на вершину самой высокой горы во всем Валантаре – Андор. И в случае, если он победит, великаны должны будут навсегда покинуть эти горы, а если проиграет, то он отдаст королю все свои богатства, которые он накопил за всю свою жизнь. Алчный король великанов согласился. И вот когда они были у подножья, великан со смехом начал быстро подниматься по крутым склонам Андора, а Томвур, вместо того, чтобы рисковать своей жизнью на опасных склонах терзаемыми свирепыми ветрами, начал делать туннель и подниматься внутри горы. Сначала, король опережал рудокопа, но затем, когда он поднялся настолько высоко, что облака оказались под ними, его сбила падающая с небосклона звезда, и он разбился о скалы, так и не достигнув вершины. Томвур же, поднялся на самый пик, и чтобы не гневить северных богов своим присутствием, быстро спустился назад, завалив за собой вход. Убитые горем великаны были вынуждены покинуть родные горы. А за найденное

в их недрах золото и самоцветы Томвур Железные Кулаки нанял лучших каменщиков во всем Валантаре и построил самую неприступную и красивую крепость, которую назвал именем, последнего короля великанов.

Эта история настолько понравилась юному Донвуру, что он провёл не один час, пытаясь отыскать в пыльных свитках королевской библиотеки упоминания об этих событиях, но все поиски оказались тщетны, кроме нескольких высказываниях некоторых летописцев и историков, о нахождении немногочисленных гигантских скелетов в разных частях севера.

Стоило хранителю вспомнить своего дядю, как снова нахлынули красочные образы из детства... Вечная весна и изумрудно-зеленая трава, редкое явление для центрального севера, и отец, не седой и морщинистый, а молодой и сильный, в своих боевых доспехах, украшенных всеми возможными самоцветами, что добываются в недрах Эборских гор, на племенном рысаке, выведенном в Рухельме, возвращающийся с охоты. А потом полный зал званных гостей и нежное парное мясо кабана, убитого самим королем Эбора. Все образы, всплывающие из памяти, были такими восхитительными и давними, что порой ему казалось, что он видел не свои, а чужие сны. Тогда ещё совсем юным, не понимая, что значит родиться четвертым ребёнком у северного правителя...

Глава пятая.

«Вольный наёмник»

«В тени сверкнул клинок бесшумно.

Прервалась жизнь, нет больше зла,

таившего в себе обиду мужа,

навек застыли его глаза.

Ребенок, мать, старик бессильный -

значение не имеет их судьба.

От злата карманы тяготеют,

за металл продана его душа...», -

из фольклора итарского народа.

«Как тебя зовут?»

«Прайг».

«И всё? Вчера, по-моему, ты говорил, что приходишься незаконным сыном какого-то южного лорда?»

Девушка присела и натянула одеяло по самую шею, чтобы скрыть свои разные небольшие груди.

«Ну, я часто вру, чтобы залезть под платье таким красавицам, как ты».

Прайг потянулся и широко зевнул. Наконец, хорошо рас-

смотрев лик девушки, он скривил лицо. Ночью и под хмелем она казалась ему в разы симпатичнее.

«Чтоо, как ты мог, а я тебе поверила! Может, ты ещё и вор в придачу?» – Она ещё лучше укуталась в одеяле, из него теперь торчал только её веснушчатое лицо».

Прайг поднялся с кровати и начал отыскивать свои штаны. Утро уже давно наступило, но из-за двухэтажных домов на противоположной стороне улицы, солнечный свет добрался до окон гораздо позже. Яркое осеннее солнце с трудом пробивалось через пыльные стёкла, да из-за общего беспорядка в комнате, поиски слегка затянулись.

«Было дело, и не раз, ещё я убивал, насиловал, блудил, пока были деньги, брал в плен людей, чтобы потом получить выкуп, участвовал в двух войнах, нанимался в вольные отряды, что на островах Цветов. Ах, да, в Родосе тебе могут сказать, что я занимался скотоложством с племенной кобылой лорда Шенголна, но ты им не верь, враньё это... Где эта чертова рубаха?» – наёмник ползал на четвереньках в поисках своей одежды».

Девушка раскрыла рот и большими карими глазами смотрела на Прайга, шокированная таким откровением.

«Я... я... Пресвятые стражи небес, что скажет мой отец... как я могла?»

«Отец? А кто он у тебя?» – спросил Прайг, натягивая сапог».

«Главный кузнец, он делает доспехи в «Шкуре дракона»».

«Кузнец? Ну это не страшно, хотя меня уже итак с полгода ищут в Итаре, нужно уходить из этого чудесного городишка, а где мы, кстати?»

«В Бодраде, ты, правда, не помнишь, что было вчера?!» – Девушка сидела с открытым ртом от удивления и неприкрытого хамства своего ночного ухажёра».

«Извини, любовь моя, но я был пьян, и ещё эти грибы... говорил же мне Дэг: – «не доверяй Ишътарским торговцам...»»

«Ох...», – она уткнулась лицом в коленки».

«Уходи, уходи отсюда!» – Тоненьким голосом прокричала девушка».

«Тут я с тобой солидарен, мне будет не хватать тебя, солнце моё».

Прайг хотел на прощание поцеловать девушку, но она тут же спряталась под одеялом. Улыбнувшись, он аккуратно открыл окно и сиганул в низ со второго этажа.

Бодрад был похож на все остальные провинциальные города Итара. Широкие кривые улочки были застроены преимущественно двухэтажными деревянными, редко из камня, домами, которые стояли настолько близко друг к другу, что, казалось, можно было спокойно пересечь весь город по черепице на их крышах. Было уже ближе к полудню, поэтому народу было кругом очень много. Воздух был наполнен разными ароматами: свежеиспеченными булочками, корицей, что была привезена с Элланской империи, дымом от печей до-

мов и запахами отходов, бегущих по сточным канавам. Бока улицы были заставлены различными тележками, обозами с овощами и фруктами, крестьяне успели собрать урожай, который выдался итак на диво богатым, рассчитались со своими лордами и решили продать остаток в городе. Кругом было много приезжих с порта, то и дело попадались в цветных шелках и ярких тканях торговцы вина с Андорана или же продавцы золота и самоцветов с Роррена, или даже Рухельма. Северян здесь было особенно много, они сразу выделялись из толпы: одетые в свои меховые полушубки и прочие тёплые одежды, хотя на улице было ещё не так холодно. В это время на севере уже вовсю бушует зима, осталось совсем немного, прежде чем мороз и холодные ветра всё-таки переберутся через Хорвудские горы и мягкое лето наконец закончится, а леса и поля засыплет толстый слой снега, до самых южных границ Андорана.

В карманах было пусто, в такой густой толпе можно было попытаться увести пару толстых кошельков, но Прайг не хотел привлекать к себе внимание итарских стражников, которых здесь было необычайно много. Скорее всего, это было связано с плохим состоянием здоровья короля и слухами о коронации его наследника, но, опять же, до Ночной крепости ещё добрых сорок километров. Поговаривают, что принц Филипп очень суров и жесток, что он уже давно начал вычищать улицы от мелких воришек и жуликов в Ночной крепости, нужно как можно скорее уносить от сюда ноги, пока его

не опознали и не решили сдать за вознаграждение.

Столкнувшись с пьяным тучным моряком, Прайг всё-таки разжился небольшим кожаным мешочком, в котором были несколько медных монет Итара с изображением Элвина Храброго, и пятиугольных – с островов Цветов и восточных торговых городов. Этого было немного, но хотя бы наесться можно будет на славу в любой таверне. В поисках её Прайг и пошёл в восточную часть города.

Дойдя до середины узкого прохода между двумя двухэтажными зданиями, Прайг увидел в конце него бродячую собаку. Небольшой, сильно обросший пёс что-то грыз, и не обращал внимание на наёмника. Но Прайг встал как вкопанный и медленно развернулся на месте. Ему было проще проделать обратно весь этот путь и найти другую дорогу, чем пройти рядом с этим городским зверем. Виной тому стали его детские травмы, а точнее глубокие шрамы на левой ноге и левой руке.

Когда он был ещё сильно мал и неусидчив, Прайг сбежал с небольшой деревушки, где они временно жили с родителями, и отправился самостоятельно в рядом расположенный город. Но по пути туда, на него напала стая бродячих голодных собак, которые сильно покусали его. Он так бы и скончался там, если бы не проезжавший на своём осле деревенский монах Несущих слово, который отогнал озверевших собак, от уже почти бездыханного тела ребёнка. Все были уверены, что Прайг не доживёт и до вечера, но каким-то чудом

он не только выжил, но и довольно быстро встал на ноги. На наёмнике с детства всё заживало как «на собаке», как бы комично это не звучало.

Пройдя всего несколько кварталов с бесконечными прилавками торговцев тканями и южным вином, он нашёл подходящую. На одноэтажном каменном здании приветственно висела табличка с изображением бутылки рома, что пьют моряки у себя на кораблях, и надпись: «Новый дом». Внутри было полным-полно народу, шум от смеха и разговоров сливался в сплошной гогот, между столами ходили откровенно страшные шлюхи, контингент людей тоже не отличался изяществом. В такой атмосфере Прайг чувствовал себя, как рыба в море. Подойдя к прилавку, он заказал себе добрую кружку тёмного как ночь эля и уселся на первое же свободное место.

Рядом были несколько круглых столиков, за которыми сидели офицеры. Одни нанимали себе людей на корабли, что плывут на восток, другие же были вольными отрядами и искали опустившихся на дно, но ещё способных держать меч людей, третьи же выбирали попутчиков в далекие северные походы, сколачиваясь в большие караваны, чтобы обезопасить себя от нападения мелких шаек и горцев, которые так любят орудовать в горах.

По правую сторону сидели двое мужчин в старой, грязной одежде и клепаной броне. Ни эмблем, ни гербов, но много шрамов на руках и лице, наёмников, Прайг чувствовал за

сто метров от себя, так как он и сам был одним из них. У одно сидела на коленях ещё совсем молодая девка с оголенной грудью. Прайг сразу же обратил внимание на его меч. Он был не слишком длинный и не слишком короткий, лезвие было слегка изогнуто на кавалерийский манер, сам меч казался кривым, но в то же время идеально сбалансирован для рубящих ударов. Рукоять меча была богато украшена очень изящной резьбой и на конце заканчивалась ястребиной головой и клювом, выполненным из ювелирного металла. На места под глаза были вмонтированы два чёрных аметиста. Наёмник явно гордился своим оружием, так как достал его из ножен и положил на стол.

«День добрый, господа», – Прайг начал разговор, чуть пододвинувшись поближе на стуле».

Ответной реакции не было, здоровяк все так же любезничал с девушкой, кормя ее оливками, второй же, который чуть сторбленный, молча сидел и грустно смотрел в свой полупустой стакан.

«Можно поинтересоваться, почему у тебя полная кружка хорошего тёмного эля и такая «красавица» на коленях, а твой друг сидит с полупустым кубком, наполненным бабским вином, и с завистью смотрит на тебя? Не хорошо это, друзья нужны не только чтобы поддержать в беде, но и разделить блага...», – Прайг отвернулся в ожидании продолжения, свою улыбку он скрыл, пригубив свой напиток».

Здоровяк сразу же соскочил, опрокинув стул, одним рез-

ким ударом он выбил стакан из рук наёмника. Алкоголь явно уже давно бурлил в его крови.

«Повтори! Повтори, пёс, что ты сказал!»

Прайг снова развернулся и с растерянным видом произнёс: – «извините, это я – пёс? Нее, от них невкусно пахнет, да и твякают постоянно по ночам, мешают спать, ненавижу их, я больше кошек люблю. Чем обязан, крепыш? Или твой мальчик тебе уже надоел? Ничего личного, конечно, но ты не в моем вкусе. Не для тебя моя роза цвела...»

Гигант в миг оказался уже перед Прайгом и схватил его за «грудки».

«Я тебе голову оторву, ублюдок!», – Его глаза затянула кровавая пелена от ярости».

Вокруг на них даже не обратили внимания: побои и драки, по-видимому, уже давно – обыденность в этом месте.

«Полегче, зачем же здесь, нечего гневить городских стражников, давай пройдем в переулок, что за этим чудесным зданием. Тебе, по-видимому, есть, что мне сказать», – спокойно произнёс наёмник, морщась от запаха со рта своего собеседника».

Идти даже не пришлось, Прайга буквально вынесли из помещения...

Спустя немного времени наёмник шёл по ночному переулку в сторону окраины города и осматривал свой новый меч. Он всё равно собирался покидать Итар, а за его предыдущие проступки ему уже давно должны были отрубить го-

лову, если поймают в этом государстве. Два трупа ничего не меняют, да и вряд ли тех бедолаг кто-то хватится. А меч-то знатный, такой качественной стали Прайг ещё не держал в своих руках.

Разбитая губа неприятно пощипывала. В животе заурчало, после убийства всегда хочется поесть... Весь организм будто испытывает жажду, которую можно удалить лишь тремя способами: выпивкой, едой или женщиной. На хорошую женщину ему навряд ли хватит, к тому же, половину из его монет вообще тут не примут, а вот хорошо отужинать денег достаточно. По дороге он нашёл довольно неплохую харчевню, где и присел поесть. Потом была кружка доброго тёмного эля, потом ещё одна, вышел он оттуда только глубокой ночью. В воздухе уже ощущался северный ветер, было по-осеннему прохладно, и небо, такое чистое и звёздное небо Прайг уже давно не видел. Он долго любовался им, орошая своей мочой крепостную стену.

«Гребанные боги, хорошо им там, пожалуй, наверху, окружили себя такой красотой и смотрят сверху, как мы тут копошимся в дерьме и грязи», – промелькнуло в голове наёмника...»

Его шатало из стороны в сторону, впереди показались два стражника, пришлось свернуть в тёмный, узкий переулок, через который он попал на широкую улицу, ведущую к восточной крепостной стене, чуть дальше виднелись ворота со стражниками, медленно шагающими вдоль них. Впереди три

бродячие собаки дрались за дохлую крысу, пришлось снова повернуть в первый попавшийся переулок, пройдя его до конца, он вышел на небольшую площадь, окружённую домами. Слева от него стояли несколько обозов, груженных большими мешками и ящиками, в один из них Прайг и забрался. На комнату у него просто не осталось денег, а на то, чтобы найти очередную девушку не было ни сил, ни желания. Немного покрутившись в телеге, он нашел удобную позу и захрапел.

Под утро его разбудил пожилой монах. Дергая его за ногу, он произнёс: -«доброе утро, странник, что привело тебя к нам? Ты решил отправиться с нами в долгий путь, или вера тебя направила к нашим обозам?»

Постепенно привыкнув к яркому солнцу, Прайг присел, протёр глаза и ответил: – «нужда. Мне негде было переночевать, извините, я не хотел причинить вам неудобства, да будет мне свидетелем Звёздный легион. А куда вы направляетесь?» – Наёмник уставился на небольшой овальный медальон монаха, выплавленный из «небесного» металла, от которого исходило едва уловимое синее свечение».

«На север, я со своими двумя братьями повезу в обитель, что в Дероре, через Роррен священные свитки и рукописи, вино, медикаменты, ткани и чистый пергамент. Нашей обители нужны были эти вещи ещё до наступления холодов, но мы задержались в Роговом ущелье ещё по пути сюда».

«На север», – задумчиво повторил Прайг».

«Вы втроём решили преодолеть столь долгий путь через горы? Это же безумие...»

Наёмник оперся спиной на борт телеги, вчерашний эль давал о себе знать, живот словно узлом крутило, голова гудела.

«Втроём? Что вы, через Хорвудские горы нас будут сопровождать четверо наёмников северян, которых мы наняли в «Пьяном кракене», а по ту сторону ущелья нас уже встретит отряд хранителей», – монах выглядел добродушно, постоянно улыбаясь наёмнику».

С виду служитель выглядел как приветливый и добрый старец, но в карих глазах его чувствовалась внутренняя сила и большой опыт.

Прайг спрыгнул с телеги и выпрямился.

«Могу предложить вам свои услуги, недорого, нам, можно сказать, по пути, а ещё один меч вам лишним не будет. Я слышал – горцы стали чаще нападать на караваны с наступлением холодов...»

Монах почесал свой затылок. Немного покряхтев, он словно выдавил из себя слова: – «ещё один меч – это конечно хорошо, да и меч у вас знатный, но у нас итак осталось мало денег, могу предложить три пятилучевые серебряные снежинки сейчас и ещё восемь – по прибытию в Ледяную обитель, что возле Криволесья».

«По рукам, когда в путь?» – не задумываясь, произнёс Прайг».

«Мы уже заканчиваем все приготовления, и так чудовищно отстаем от запланированного срока... Вы готовы? В пути будет холодно, у вас есть тёплая одежда?» – монах бегло осмотрел потрёпанные одежды наёмника».

«Боюсь, что нет, может, обсудим небольшой аванс?»

«Эмм, я не могу вас отпустить с деньгами под честное слово, не обижайтесь, я вас ещё не знаю, но мы вместе можем сходить до моего знакомого, который торгует тёплыми вещами на окраине рынка, тут недалеко. Ну как, согласны?»

«Думаю, у меня нет выбора, давайте сходим за обновками».

К обозам подошёл второй Несущий слово, он был в два раза толще первого монаха, одетый в такую же тёмно-синюю рясу, что и первый, да и любой из их церкви.

«Это мой брат по вере – Мунал, а я – Арстан, простите за моё невежество, это вольный наёмник, как я понимаю, который согласился к нам примкнуть и обеспечить защиту, сир, ээ...»

«Я – не сир, просто Прайг. Приятно познакомиться», – наёмник слегка склонился».

Монах кивнул в знак приветствия и устоялся на богато украшенные ножны нового меча Прайга, который явно выделялся из общего пошарпанного одеяния. Он попросил оставить их наедине. Прайг не стал спорить и отошёл немного от обозов, было видно, что подошедший монах не сильно обрадовался новому пополнению в отряде, но спустя пару минут

спор окончился в пользу разбудившего утром служителя. Он учтиво улыбнулся Прайгу и позвал следовать за ним.

Спустя несколько узеньких улочек они вышли на большую площадь, где уже начал собираться народ. Через короткий промежуток времени перед ними предстала небольшая лавка, вся заваленная мехами, шкурами, и толстыми тканями. Стоявший рядом с ней мужчина был явно рад монаху, они обнялись, быстро поговорили, обменявшись любезностями, потом Арстан объяснил суть их нужды, и торговец с проворством быстро подобрал нужные меха для наёмника. Одна пара хороших меховых сапог, обитых внутри шкурой зайца, тёплые штаны из толстой ткани и полушубок из меха северных якулов с капюшоном, в нём хоть было и не так удобно, зато в лютый мороз – в самый раз. Померив всё на себе прямо на улице, монах рассчитался северными монетами, и они вдвоем отправились назад к обозам. Тёплую одежду Прайг не стал сразу же надевать, а перетянул всё в один куль верёвкой, что одолжил у торговца.

У стоящих рядом телег их уже ждали нанятые наёмники – северяне и ещё один новый, худой монах, чьё имя он сразу же забыл. Прайг уселся в конце обоза, на мешке третьей телеги, где недавно провёл ночь, спереди на той же телеге сидели двое угрюмых бородатых наёмника с копьями и круглыми щитами, двое других сели на вторую повозку, у одного был довольно неплохой лук. Самый старый из них был явно с сильного похмелья, казалось ещё немного – и его вырвет

на глиняные кувшины. Прайг попытался наладить беседу с одним, но всё было тщетно: угрюмый северянин отделался от него парой фраз и отвернулся.

Маленький отряд состоял из трёх телег, одна из которых была крытая и самая большая, четыре лошади, две из которых были запряжены в первой телеге, что с крышей, три монаха и пять наёмников, включая Прайга. Конвой медленно двинулся к восточным воротам. По пути то и дело пробегали дети, чуть ли, не попадая под копыта лошадей. Одного из них наёмник с щитом, на котором был изображен герб Рухельма, бегущая черная лошадь на зеленом поле, попытался древком своего копья огреть мальчишку, но лишь потерял равновесие и рухнул с телеги в грязь лицом, под общий гогот наёмников и прохожих.

Наконец, перед ними предстали ворота с поднятой ржавой решеткой, впереди было девять стражников, четверо были на стене с луками, пятеро внизу с копьями и итарскими прямоугольными щитами. Офицер в хорошей броне и сверкающей кольчуге, которую, похоже, недавно очистили в бочке с песком, подошёл к ним и унылым взглядом осмотрел каждую телегу и людей, сидящих на ней.

«Доброе утро, офицер, да благословит вас Звёздный легион, мы держим путь на север, а эти уважаемые люди – наша защита на столь опасном пути», – начал Арстан».

«Что везём в телегах? Есть разрешение на пересечение границы?» – лениво произнёс офицер. Его лицо почти пол-

ностью покрыла оспа, а запах от кислого вина донёсся даже до Прайга».

«Свечи, пергамент, южное вино и ткани, да всё есть, подписано лично заместителем капитана Роберта Крайса по логистике», – монах достал из рукава небольшой свиток, перетянутый красной ленточкой, и протянул офицеру».

Тот, в свою очередь, отмахнулся от пергамента, как от назойливой мухи, скривив лицо, он подал знак копейщикам расступиться.

«Не загораживайте дорогу, счастливого пути», – буркнул он на прощание».

«Премного благодарны», – Арстан обрадовался, что не пришлось давать взятку или отвечать на кучу дополнительных вопросов, деньги у монахов явно были на исходе».

Прайг лёг так, чтобы борта телеги скрывали его полностью, теперь были видны только свисающие ноги. Перед глазами прошла решётка, потом снова стало светло, приподнявшись, он проводил взглядом лучников, нерасторопно шагающих из стороны в сторону на невысокой каменной стене. Совсем ещё юные... Ему бы с дюжину опытных бойцов, тогда бы они под покровом ночи подкрались к воротам, убрали бы охрану и открыли ворота для остального отряда. Вот была бы потеха – навести шуму в таком небольшом, но богатом торговом городишке. Отбросив все мысли, он снова улегся, выдвинул меч на половину из ножен и начал рассматривать сверкающее лезвие. Интересно, с кого сняли этот меч те двое

из таверны? Такое знатное оружие обычно носит имя. Давать ему прозвище по ястребиной голове на рукояти показалось Прайгу банальным, перебрав пару вариантов, он остановился на «Ночной дар», так как меч достался ему практически даром и добыл он его глубокой ночью...

Город постепенно отдалялся от них и скоро совсем скрылся из виду за бугром, покрытым уже пожелтевшей травой. Дорога была хорошей: широкая, отсыпанная мелкой галькой, колеса на телегах приятно поскрипывали на ходу, по пути то и дело попадались обозы с крестьянами. С некоторыми из них Арстан или один из его братьев заводил беседу, дабы узнать, что происходит дальше – на севере. Почти все говорили одно и то же: зима там свирепствует, волков стало в разы больше, как и отрядов, нападающих на обозы. Всё это не сильно-то радовало Прайга, умирать за пожитки монахов он не собирался, в случае без выигрышного варианта лучше всего будет вовремя улизнуть и попытаться добраться до севера в одиночестве. Ему ещё ни разу не доводилось бывать по ту сторону Хорвудских гор, но о севере он был наслышан достаточно.

Ещё очень давно Прайг мечтал взглянуть на Ледяной собор и бывшую столицу севера – Эбор, но в это время года, говорят, дороги туда нет. Только безумец осмелится пересечь Ледяную пустошь в разгар зимы. Ему крупно повезло отправиться в путь с монахами. Обычно их не задерживают патрули и не так тщательно осматривают, как остальных пу-

тешественников, да и простой люд тоже всячески поддерживает Несущих слово и людей, которые им помогают, возможно, им даже удастся переночевать на мягких постелях в какой-нибудь из северных деревушек.

В глаз попал блик от медальона одного из служителей. «Небесный» металл... Аж три медальона, редко встретишь одного служителя этой церкви, что полностью окончил долгое обучение и получил столь ценный дар, а тут сразу три. Прайг всегда считал полным безумием их церкви: раздавать такой ценный и редкий металл монахам, и не понимал смысла этой веры в Звёздный легион, однако церковь Несущих слово, при поддержке Ордена паладинов, стала самой могущественной во всём Кропосе...

Бодрат находится между Чёрным бастионом и Родрангом, путь до Рогового ущелья займет неделю, а может, и две, если погода испортится.

Роговое ущелье – это небольшой относительно ровный путь в горах с полкилометра шириной, единственное место, через которое может нормально проехать телега или карета через Хорвудские горы. Северяне ещё называют его «путь на юг», осталось ещё где-то с месяц пока и его не перенесет снегом или не завалит какой-нибудь сошедшей лавиной, тогда постоянное и относительно спокойное сообщение с севером прервется до самой весны. Единицы же нанимают проводников и на выючных лошадях или ослах через горы перевозят товары, но не все доходят до конечного пути.

Когда север был един, путь с юга на север надежно охранялся, были построены восемь застав на протяжении всего торгового пути, солдаты из которых следили за передвижениями и безопасностью людей. Были тогда и патрули, но после распада Роррен стал не справляться со всеми горцами, что населили юг страны. Из восьми застав продолжила работать только самая северная, уже почти при самом выходе из ущелья, в качестве сборщика налогов с перевозок нежели безопасности, а о патрулях местные жители уже давно ничего не слышали. Прайг знал об Ордене хранителей, которые пытаются ещё хоть как-то поддерживать порядок на севере, но, по слухам, их стало слишком мало. По словам Арстана, они должны были встретить их на выходе из ущелья. Будет любопытно увидеть тех, о ком было так много услышано из уст северян, почти у каждого из них есть история, связанная с хранителями. Каким нужно быть отчаянным человеком, чтобы охотится на снежных троллей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.